Т-17
Т19

ПРОФЕССОР Ф. В. ТАРАНОВСКИЙ.

Дорогому
Сергею Владиславовичу
Завадскому
от автора.

Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича.

К истории политического строя удельной Руси.

ХАРБИН,
Типо-Литография Л. М. Абрамовича.
1928.

07143

Т 19

ПРОФЕССОР Ф. В. ТАРАНОВСКИЙ.

Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича.

К истории политического строя удельной Руси.

ЦГАОР
Книгохранилище
ИНВ. № 7350-3р.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГА СССР Инв. № 07143

Хранилище печатных изданий ЦГАОР СССР Инв. № 2954

ХАРБИН,
Типо-Литография Л. М. Абрамовича
1928.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОСНОВЫ ДИНАМИКИ ЖИДКОСТЕЙ И ДВИЖЕНИЯ ВОЗДУХА

ПРОФЕССОР Ф. Е. ТАРАНОВСКИЙ

Элементы основных законов в Уложении царя Алексея Михайловича.

I.

Юридическая техника древних и старинных памятников права характеризуется отсутствием абстрактного мышления и рациональной систематики. Старые юристы мыслят конкретно, образами и потому, когда излагают то или другое правоположение, то не столько определяют его общий логический состав, сколько рассказывают частный конкретный случай,—не вскрывают самой идеи, а лишь живописуют образ, в котором эта идея проявилась в жизни. Расположение правового материала в древних записях юридических обычаев и в старинных„ законодательных сборниках соответствует общему тону конкретного мышления и образного выражения мысли. Оно не исходит из отвлеченной логической системы, построенной на расчленении общих юридических понятий или сложных юридических отношений на их составные элементы, но следует какому либо конкретному порядку, в котором реальная жизнь и непривычное к абстракции мышление сочетают правовые явления, хотя бы и разнородные, однако связанные единством будь-то субъекта, будь то объекта юридического отношения. Вследствие этого расположение материала в древних и старинных памятниках права существенно разнится от систематики законодательных сборников нового и новейшего времени. Несходство столь велико, что дает повод большинству историков права отрицать в старых юридических памятниках наличность какой бы то ни было системы. Такое отрицание является вне всякого сомнения скороспелым и неправильным. Надлежит отрешиться от привычного нам абстрактного мыш-

ления, окунуться в глубь конкретного, образного мышления старины, проникнуться стилем эпохи, войти в особенную архитектонику данного памятника права, и секрет его своеобразной систематики раскроется Конечно для этого нужны усердие и внимание, требуются известные усилия, но их стоит приложить, так как самое дело, хотя и трудно, но не безнадежно и, главное, в случае удачи весьма плодотворно по своим последствиям. В плодотворности этой не усомнится никто из юристов, ибо для всякого юриста понятно и ясно важное значение систематического толкования и, следовательно, знания подлинной системы памятника права для надлежащего его уразумения.

Весьма распространенным в старину видом систематики памятников права является расположение в них правового материала в хронологическом порядке, т. е. в порядке следования во времени юридических явлений, приуроченных к одному субъекту либо к одному объекту. Такой порядок оказывается излюбленным потому, что для юриста, мыслившего не абстрактными идеями, а конкретными образами, он был наиболее доступным и легким средством установления последовательной связи между разрозненными юридическими отношениями. Вполне понятно, что в те времена, когда не дошли еще до раскрытия внутренней последовательности в логическом развитии того или другого юридического института, придерживались в его изложении внешней последовательности событий, порождающих юридические отношения.

Нам уже приходилось указывать в печати на то, что хронологический порядок расположения правового материала принят в отдельных частях Уложения царя Алексея Михайловича, и в частности подробно раскрыть хронологическую систему VII-ой и X-ой главы этого законодательного памятника. [1]) В настоящее время мы позволим себе остановиться на посвященных служилому землевладению XVI и XVII главах Уложения, в которых также применяется хронологический порядок расположения правового материала, и займемся рассмотрением систематики этих глав.

---

[1]) См. **Ф. В. Тарановский**, Новые данные по истории Уложения царя Алексея Михайловича, **Журн. Мин. Юст.**, 1914 г., сентябрь, и отд. изд., Петроград, 1914 г.

II.

Глава XVI „о помѣстныхъ земляхъ“ открывается статьей, устанавливающей размеры поместных окладов разных чинов служилых людей Московского государства (XVI, I). Статья эта образует обособленную от дальнейшего содержания и потому самостоятельную (I-ую) часть главы.

Полученное служилым человеком по отечеству, верстанью и даче старинное в его роду поместье установленного в первой части нормального оклада является предметом юридической регламентации в тридцати трех последовательных (со 2-ой по 34-ую включ.) статьях XVI главы. Законодатель следит за судьбой этого поместья в хронологическом порядке личной судьбы его первоначального владельца.

Прежде всего разсматривается судьба поместья в период трудоспособности его владельца, обезпечивающей возможность несения им государевой службы. Этому посвящена II часть главы, обнимающая шесть статей,—со 2-ой по 7-ую включительно. Все эти статьи говорят о мене поместий.

Может показаться странным, почему все, что законодатель считает нужным сказать о положении поместья, когда оно находится в руках вполне трудоспособного и несущего государеву службу владельца, в руках „имянного помѣстного человѣка„ (как выражается Уложение в другом месте,—X, 133), сводится исключительно к регламентации мены поместий. Казалось бы, здесь следовало бы сказать не только о распоряжении, но и о владении и пользовании поместьем, надлежало бы определить самую природу поместного права. Удивляться однако нечему, ибо все здесь вполне соответствует характеру и духу своего времени. Подобно тому как древний летописец не дает статического описания окружающей его среды, а сообщает лишь факты, приводившие современную ему жизнь в движение, так и древний законодатель не определяет самой природы юридических отношений, а регламентирует только их движение. Вот почему в разбираемой нами части XVI главы обойдено молчанием статическое состояиие владения и пользования, и говорится только о динамическом состоянии распоряжения, каковое по отношению к поместьям допускалось единственно в виде мены.

За периодом трудоспособности следует старость и дряхлость, когда уже государеву службу служить не мочно, и от службы отставляют. К этому периоду в жизни первоначального владельца приурочена III часть XVI главы (ст. 8—12), в которой говорится о прожиточных поместьях. Основное содержание этой части составляют прожиточныя поместья самих служилых людей, отставленных от службы. Но так как в обезпечении от„ пожити“ и в регламентации „сдачи“, устанавливаемых в ст. 8—12-ой XVI главы, нуждаются прожиточные поместья не только самих служилых людей, но и их вдов и дочерей, то, чтобы исчерпать раз затронутый вопрос и впредь к нему не возвращаться, законодатель тут же говорит заодно обо всех прожиточных поместьях,—и отставленных от службы служилых людей, и вдов, и девок. Прием—весьма характерный и крайне далекий от современной нам законодательной техники. Благодаря этому приему, создается такое положение: о недопустимости „пожити“ во вдовиных прожиточных поместьях и о „сдаче“ прожиточных поместий вдов и девок говорится раньше, чем излагается основное правило о даче вдовам и дочерям на прожиток из поместий, оставшихся после их мужей и отцов „выморочными“. Подобный порядок совершенно немыслим в современных нам кодексах.

Жизнь кончается смертью. Следуя хронологическому порядку, IV часть XVI-ой главы (ст. 13—34) регламентируют судьбу поместья после смерти первоначального его владельца в первом поколении его преемников. Однообразное течение этой части как бы нарушается статьей 24-ой, которая начинается так: „а у которыхъ дворянъ и у дѣтей боярскихъ старыя отцовскія помѣстья въ разоренныхъ городѣхъ, а учнутъ они бити челомъ государю о помѣстье вновь“....,—и составляет как бы переход от старых отцовских поместий к новым поместным дачам. На самом деле такого изменения темы здесь нет, потому что поднятый вопрос об испрашивании новой поместной дачи разсматривается в ст. 24-ой главным образом со стороны налагаемой на челобитчиков обязанности: „тѣ старыя отцовскія помѣстья, которыя и въ разоренныхъ городѣхъ, объявлять, а не таить“. Затем ст. 25—28 говорят о „прописныхъ и утаеныхъ“ вопреки только что приведенному предписанию поместьях и ст. 29-ая опять возвращается к старым отцовским поместьям, имея в виду поворот из раздачи по-

местий, покинутых владельцами, которые долгое время пробыли в плену. Заканчивается IV часть установлением прожиточного оклада вдовам и дочерям служилых людей вообще (ст. 30—32) и неверстанных в особеннности (ст. 33) [1]) и регламентацией раздела отцовских поместий после смерти отца между старшими детьми, написанными в отводе, и младшими, за которыми поместья были справлены еще при жизни отца (ст. 34).

Проследив судьбу поместья после смерти первоначального владельца при первом поколении его преемников и таким образом исчерпав вопрос путем доведенья его до исходного положения (испомещения по окладу), составители Уложения переходят к другой теме, хронологически более поздней, именно,—к новым дачам не из отцовских поместий. К этой теме относятся ст. 35—50, образующия V-ую часть XVI-ой главы.

В V части говорится о новых поместных дачах из порожих земель, пустошей и выморочных земель как в Московском уезде и в городах, так и на Московской Украйне „изъ дикихъ поль“ (ст. 35—40). Затем предусматриваются возможные столкновения новых поместных дач московским служилым людям с земельными правами татар, мордвы и прочих некрещеных инородцев, и оберегаются неприкосновенность и нерушимость этих прав (ст. 41—44). При случае дается общая регламентация поместного землевладения служилых некрещеных инородцев со стороны обязанностей последних по отношению к службе и к земле (ст. 45). Далее, в связи с новыми дачами вообще разсматривается вопрос о сдабривании земель, розданных в поместья, а заодно уже по ассоциации и об одабривании земель, розданных в вотчины (ст. 46—48). Наконец, тема о новых дачах завершается постановлением о некоторых территориальных (для белозерцев) ограничениях менового оборота и раздачи поместий (ст. 49). По ассоциации приводится аналогичное ограничение сословного характера для казачьих вотчинных земель (ст. 50).

VI часть (ст. 51—53) устанавливает обязанность укрепления поместных, попутно и вотчинных прав на землю грамотами и писцовыми книгами.

---

[1]) И в ст. 33-ей дело идет о судьбе отцовских поместий: „А будетъ послѣ которыхъ умершихъ, помѣстья ихъ даны будутъ дѣтемъ ихъ неверстанымъ, а тѣ дѣти ихъ помрутъ неверстанные же“.... и т. д.

Часть VII-ая (ст. 54—65) преподает указания для решения судебных споров о поместьях, причем различаются и последовательно рассматриваются два вида таких споров: 1) споры между родственниками и свойственниками (ст. 54—58) и 2) споры между посторонними людьми, возникающие из-за подыскивания служилыми людьми поместий друг под другом (ст. 59—65). Указанное распределение материала нарушается только тем, что ст. 62-ая опять говорит о тяжбах между родственниками.

Последняя VIII часть (ст. 66 69) перечисляет поводы и случаи, когда поместные земли отнимаются и отдаются в раздачу. При этом попутно упоминается в одной статье (69-ой) и об отнятии вотчин.

На основании произведнного разбора можем представить систему изложения XVI-ой главы Уложения в виде следующей схемы:

А. Установление нормы поместного оклада:

Часть I,—ст. 1.

Б. Регламентация старых отцовских поместий:

а) в период трудоспособности и действительной службы их владельцев,—часть II,—ст. 2—7;

б) в пору старости и дряхлости владельцев, отставленных от службы,—часть III (о прожиточных поместьях), ст. 8—12;

в) регламентация судьбы поместья после смерти первоначального владельца в первом поколении его преемников,—часть IV,—ст. 13—34.

В. Новые поместные дачи:

Часть V,—ст. 35—50.

Г. Укрепление поместных прав грамотами и по писцовым книгам:

Часть VI,—ст. 51—53.

Д. Разрешение судебных споров о поместьях,- часть VII:

а) между родственниками и свойственниками,—ст. 54—58;

б) между посторонними людьми из-за подыскивания поместий,—ст. 59—65.

Е. Поводы и случаи отнятия поместий:

Часть VIII,—ст. 66—69.

Как видно из представленной схемы, хронологический порядок изложения яеляется руководящей нитью при построении XVI главы. Он особенно выдержан в отделе Б, но и последующие отделы не чужды этого именно порядка. В самом деле, вполне естественно предположить, что вопрос о новых поместных дачах поставлен составителями Уложения на то место, которое он занимает, под влиянием представления о таком положении, когда после смерти служилого человека не оказалось за ним достаточного количества поместной земли, из которой можно бы было испоместить его сыновей. Само собою разумеется, что укрепление поместных прав соответственными документами встает на очередь только после предварительного получения поместья; тоже следует сказать и о судебных спорах о поместьях, и об отнятии поместий. Таким образом оказывается возможным отнести отделы В, Г, Д и Е (части V—VIII) к судьбе поместья после смерти первоначального (по окладной даче) владельца в первом поколении его преемников.

III.

Глава XVII-ая „о вотчинахъ“ точно также построена по хронологической системе. Составители Уложения и в этой главе отправляются от известного хронологического порядка и вполне заметно следуют ему на протяжении всей главы. Хронологический порядок XVII главы приурочен не к личной судьбе владельца, как это было в главе XVI-ой, а к происхождению вотчин.

Составители Уложения различают прежде всего вотчины старинные и пожалованные недавно,—в царотвовании Михаила Федоровича. О первых говорится в ст. 1- 15, о вторых—в ст. 16—26. Таким образом определяются две первые части XVII-ой главы.

Часть I (ст. 1—15) открывается изложением указа 136 года о выслуженных вотчинах (ст. 1), и все содержание этой части сводится к истолкованию упомянутого указа, а также к согласованию с ним старых государевых указов и уложений. В этой части находится прямо не относящаяся к ней статья (9-ая) о порядке продажи помещикам их же поместных земель в вотчину. Попала она сюда по ассоциации в виду того, что в предыдущей (8-ой) статье о наследовании

разного рода купленых вотчин упоминаются и вотчины, купленные у казны из своих же поместных земель. Вообще же о купленых вотчинах говорится в I части потому, что ими указы 136 и 137 годов вознаграждают вдов за устранение их от наследования родовых и выслуженных вотчин. Основная же мысль, объединяющая все 15 статей I части в одно целое, заключается в обезпечении за служилым родом его старинных вотчин и в утверждении того расширения вотчинных прав, которое проведено в указах 136 и 137 годов, приравнявших выслуженные вотчины к родовым.

II часть (ст. 16—26) посвящена подтверждению прав на вотчины более позднего происхождения, именно--пожалованные за московское осадное сиденье в Смутное время (см. ст. 16, 17, 19, 20) и оставленные за теми тушинцами, которые своевременно отстали от измены и присоединились к боярам (ст. 25). Регламентация отдельных вопросов, связанных с обладанием такими вотчинами, дается в ряде статей настоящей части. Пожалования вотчин за московское осадное сиденье и подтверждение вотчинных прав раскаявшихся тушинцев по времени предшествовали указам 136 и 137 годов, которые приводятся и развиваются в I части. В Указной книге Поместного приказа соответственные указы. напр. указ 1622 г. о московском осадном сиденье [1]) и указ 1623 г. о тушинцах, [2]) помещены раньше указов 136 и 137 годов. Тем не менее основанные на них статьи Уложения (XVII, 17 и 25) попали во вторую часть XVII-ой главы. Ясно, что составители Уложения отступили от принятой в Указной книге хронологической последовательности указов по времени их издания, так как проводили свою особую хронологическую систему по времени происхождения вотчин. Систему эту нарушает во второй части статья 18 ая, предписание которой относится к вотчинам старинным. Источником этой статьи является уложение царя Михаила Федоровича от 12 марта 1620 года о примерных землях. В этом уложении соответственное предписание помещено непосредственно вслед за постановлением, в котором речь идет о вотчинах, пожалованных за московское осадное

---

[1]) **Указная книга Поместного приказа**, изд. В. Н. Сторожевым, Москва, 1889 г., V, 12, стрн. 31.

[2]) **Там же**, III, 4, стран. 31.

сиденье.[1]) Точно также и в XVII-ой главе Уложения царя Алексея Михайловича 18-ая статья следует непосредственно вслед за постановлениями о тех же вотчинах (ст. 16—17). Таким образом мы видим, что нарушение самостоятельной системы XVII-ой главы в данном случае произошло под случайным влиянием источника, каковым была Уставная книга Поместного приказа.

В III-ью часть XVII главы мы выделяем ст. 27—44. В ней идет речь: 1) о родовом выкупе (ст. 27—31), 2) о поводах и случаях отнятия вотчин на государя (ст. 37—40), 3) о запрещении перехода вотчин к холопам (ст. 41) и 4) о запрещении перехода вотчин к церкви (ст. 42—44). Казалось бы, что все эти вопросы разные, и нет поэтому основания сводить их в одну часть. На самом деле однако это не так. Все приведенные вопросы объединены единой мыслью о том, чтобы обезпечить вотчины от выхода их из служилого рода, откуда бы опасность выхода ни угрожала, от частных ли сделок, или от конфискации государством. Соответственные частные сделки либо парализуются в своих последствиях помощью родового выкупа, либо признаются недействительными. Что касается конфискации, то, само собою разумеется, она не парализуется и не отменяется; по отношению к ней обезпечиваются лишь интересы третьих лиц, владеющих вотчиной, приобретенной от изменника по купчей или по закладной.

Пока мы обошли молчанием ст. 32—36. Статьи эти предусматривают разного рода злоупотребления при продаже и залоге вотчин. Они не имеют прямого отношения к основной теме III части и попали в нее исключительно по ассоциации с продажей и залогом, о которых шла речь в постановлениях о родовом выкупе. Подобное привлечение постороннего материала в силу внешней ассоциации составляет в законодательной технике старины явление частое и обычное.

Так как со статьи 45-ой начинаются постановления о новых вотчинах, то предшествующая ей III часть подлежит отнесению к отделу о вотчинах старых в качестве логического завершения.

IV часть(ст. 45—49) говорит о возникновении у служилого рода новых вотчин, причем различаются два последовательно

---

[1]) См. **там же** VI, 39, пункты **б** и **а** стрн. 56 и 55.

рассматриваемых способа возникновения: 1) путем покупки в вотчину порожжих и пустых поместных земель (ст 45—46 и первая половина ст. 47-ой), и 2) путем покупки служилым человеком в вотчину его же поместья (вторая половина 47-ой статьи и ст. 48). „А кому", гласит ст. 48-ая, „подмосковное помѣстье продано будетъ въ вотчину, и тѣмъ людемъ въпредь, въ то мѣсто, подмосковного помѣстья не давати". Это запрещение заставляет составителей Уложения вспомнить, что служилые люди, которым подмосковные поместья даны в прошлых годах за московское осадное сиденье в вотчину, сохраняют право на получение сверх подмосковных служилых вотчин еще и подмосковного поместья по нормальному окладу. Таким образом создается ст. 49-ая, не имеющая отношения к теме IV части и включенная в нее по внешней ассоциации. Заметим кстати, что ст. 49 ая была бы более на месте во II части, ибо имеет больше отношения к ст. 19-ой, чем к 48-ой. Напротив того, ст. 9-ая, попавшая в I часть, должна бы скорее находиться в IV части. Но, как мы видим, составители Уложения не руководятся внутренним единством юридических отношений, а следуют системе хронологической и увлекаются внешними ассоциациями, нарушающими и хронологическую систему. Что решающее значение придается системе хронологической, видно из того, что одно и тоже по содержанию постановление о примерных землях приводится в XVII главе дважды: один раз применительно к старинным вотчинам (ст. 18) и другой раз применительно к новым вотчинам, купленным из порожжих земель (ст. 45).

V часть посвящена вопросу о межевании вотчинных, а заодно уж и поместных земель (ст. 50—53), VI-ая—о взыскании пошлин при „вотчинной записки" (ст. 54) и, наконец, VII-ая часть—о неотменном сохранении силы судебных решений по старым вершеным „помѣстнымъ дѣламъ" (ст. 55). Под „помѣстными дѣлами" разумеются в последнем случае все дела по служилому землевладению,—и поместные, и вотчинные. Такое распространительное толкование судебных „помѣстныхъ дѣлъ" основывается на том, что ведавший все служилое землевладение приказ назывался „помѣстнымъ", отчего и все дела его юрисдикции названы поместными.

На основании приведенного разбора можем представить систему XVII главы в виде следующей схемы:

А. Утверждение прав служилых людей на старые вотчины:
а) старинные вотчины,—часть I (ст. 1—15);
б) вотчины белее позднего происхождения,—часть II (ст. 16—26);
в) обезпечение старых вотчин от выхода их из служилого рода,—часть III (ст. 27—44).

Б. Регламентация возникновения новых вотчин:

Часть IV (ст. 45—49).

В. Постановления, относящиеся к старым и новым вотчинам:
а) о межевании,—часть V (ст. 50—53);
б) о пошлинах при вотчинной записке, часть VI (ст. 54).

Г. Установление неотменной силы судебного решения по старым вершеным поместным делам:

Часть VII (ст. 55).

IV.

Хронологическая система XVII главы заслуживает особого внимания. Сравнительно с хронологической же системой главы XVI-ой она оказывается своеобразной. Своеобразие заключается в том, что в основу хронологического порядка распределения правового материала в XVII главе положена не личная судьба землевладельца, как в главе XVI-ой, а разновременность происхождения вотчинного землевладения. Различаются и последовательно рассматриваются вотчины старинные, вотчины более позднего происхождения и, наконец, новые возможные в будущем вотчины служилых людей.

Часть, посвященная старинным вотчинам, занята согласованием указов 136 и 137 годов с прежними государевыми указами и уложениями о вотчинах и выяснением того расширения вотчинных прав, которое произошло от приравнения выслуженных вотчин к родовым. О содержании и природе прав служилых людей на старинные вотчины не говорится. Как древние, исконные, права эти сами собою разумеются как полные, безспорные, нерушимые. Уложение только подчеркивает, что указами 136 и 137 годов приложение этих прав расширено. Упомянутые указы имели для вотчинного землевла-

дения весьма важное значение, так как около половины (43% 0) вотчин служилых людей по отечеству являлись в XVII веке вотчинами выслуженными. [1])

Иное отношение проявляет Уложение к вотчинам более позднего происхождения. К ним отнесены вотчины, пожалованные за московское осадное сиденье, и вотчины, не конфискованные у раскаявшихся тушинцев и оставленные за ними. Вотчины тушинцев могли быть тоже старинные, „старыя ихъ родственныя“, как сказано о них в статье 25-ой, но так как за измену они подлежали конфискации, то оставление их за вотчинниками в виду их раскаяния и последующей верной службы приравнивается как бы к новому пожалованию, отчего они и поставлены на ряду с вотчинами, данными за московское осадное сиденье. А иные вотчины тушинцев были конфискованы при царе Василии Ивановиче Шуйском и только потом отданы их раскаявшимся собственникам, как это видно из статьи 25-ой XVII-ой главы. Относительно вотчин более позднего происхождения, связанных, как видим, со смутным временем, Уложение занято исключительно тем, чтобы утвердить и подтвердить полноту и нерушимость вотчинных прав обладающих этими вотчинами служилых людей.

Применительно к тем, кому даны вотчины за московское осадное сиденье, сказано: „и тѣмъ людемъ тѣми вотчинами владѣть по жаловальнымъ грамотамъ и по писцевымъ книгамъ“ (XVII, 16). Далее постановлено, что бы тем, кто за московское осадное сиденье получили „вотчинные оклады противъ Государева указу не сполна“,—„вотчинные ихъ оклады полнить“ (XVII, 19), а, тем кому даны вотчины в местностях, отошедших затем от Московского государства к Литве,—„противъ ихъ отошлыхъ вотчинъ, давати въ вотчину изъ ихъ новыхъ помѣстей столько же четвертей, сколько у кого вотчины отошло въ Литовскую сторону“ (XVII, 20). Наконец, определяются права этих заслуженых вотчинников на пользование бортными ухожьями и всякими угодьями (XVII, 21—24). Столь заботливо и тщательно подтверждает Уложение права на вотчины, выслуженные за московское осадное сиденье.

По поводу признания вотчинных прав раскаявшихся тушинцев прежде всего поясняется, за что оказана им такая

---

[1]) См. **Е. Д. Сташевский**, Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века, Москва, 1911 г., стрн. 19.

милость,—„за то что они, послѣ московского разоренія, пришедъ подъ Москву, соединилися съ бояры и воеводы, и стояли противъ литовскихъ людей, и Московскаго государства у литовскихъ людей доступали въ мѣстѣ, и Божіею милостію, а своею многою службою Московскаго государства у Литвы доступили и очистили“ (XVII, 25). За пояснением следует подтверждение земельных прав: „тѣмъ ихъ вотчинамъ и помѣстьямъ по тому же быть **нєподвижно**, и владѣти имъ тѣми помѣстьи и вотчинами по прежнимъ дачамъ, и по жаловальнымъ грамотамъ, которые имъ грамоты даваны послѣ московского разоренья. А будет у кого на такія вотчины и помѣстья старые грамоты утерялись: и тѣмъ бити челомъ о новыхъ грамотахъ; а въ помѣтномъ приказѣ противъ того ихъ челобитья сыскивати дачами, и пищовыми книгами... и имъ на тѣ вотчины и помѣстья по сыску давати новые грамоты, почему имъ тѣми вотчинами и помѣстьи въпредь владѣти“ (XVII, 25).

В качестве источников при составлении разбираемой части XVII главы послужили несколько разновременных указов царя Михаила Федоровича, которые подтверждали права на вотчины, выслуженные в Смутное время, и устанавливали их безспорность. Указы эти вызывались затруднениями, связанными с утратой крепостей во время „московской разрухи“ и затем в кремлевский пожар 3 мая 1626 года и формально направляли все свое внимание на укрепление соответственных прав иными доказательствами [1]). В Уложении цивилистическая сторона укрепления вотчинного землевладения отступает на второй план, и на первое место выдвигается публичноправовой элемент подтверждения вотчинных прав верховной государственной властью. Такое различие отправных точек зренья проявляется с особенной наглядностью при сопоставлении ст. 25-ой с ея указанными источниками. Первая половина статьи основывается на указе царя Михаила Феодоровича от 10 июля 1623 года. [2]) Указ этот жалует раскаявшихся тушинцев, у которых „вотчинные крѣпости въ Московское разоренье пропали“, и возстанавливает права их на все

---

[1]) См. **Указная книга Поместного приказа**, изд. В. Н. Сторожевым. Приложение № 2, стрн. 153—157.

[2]) **Там-же**, III, 4, стрн. 31—32.

их земли „опричь тѣхъ вотчинъ и помѣстей, которые даваны имъ у вора въ Тушинѣ и подъ Смоленскомъ у короля и у королевича". Первая половина статьи 25-ой ставит вопрос о тушинцах принципиально, независимо от утраты вотчинных крепостей, подтверждает права раскаявшихся тушинцев на их старые вотчины и поместья, а о пожалованьях вора, короля и королевича не упоминает, так как они давно уже отпали и не представляли интереса при кодификации. Что же касается утраты вотчинных крепостей, то о ней говорится только во второй половине 25-ой статьи и делается по поводу нее постановление применительно к указу 10 февраля 1619 года[1]).

Конфискация вотчин служилых людей, примкнувших к Тушинскому вору, была произведена при царе Василии Ивановиче Шуйском, и тогда же конфискованные земли были отданы в раздачу другим служилым людям согласно общему правилу. Тем из тушинцев, которые не раскаялись своевременно, не возсоединились своевременно с законной властью и не загладили своей измены последующей верной службой отечеству в момент величайшей для него опасности, земли их не были возвращены и остались они за теми, кто их получил из раздачи. Уложение подтверждает права служилых людей на земли, розданные из конфискованных у тушинцев вотчин. Статья 26-ая XVII-ой главы гласит: „А которые стольники и стряпчіе, и дворяне московскіе, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе были в Тушинѣ, а вотчины ихъ розданы въ роздачю, блаженныя памяти при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Василіи Ивановичѣ всея Русіи, а пося мѣстъ имъ тѣ ихъ вотчины не отданы: и тѣмъ вотчинамъ быти по дачамъ блаженныя памяти Государя и Царя Великаго Князя Василія Ивановича всея Русіи за тѣми людьми, кому тѣ вотчины отданы, **безповоротно**". Несомненно следует предполагать, как это мы и сделали выше во вступительном к разсматриваемой статье пояснению, что вотчины, „пося мѣстъ" не отданные тушинцамъ, не возвращены им оттого, что они того не заслужили. Такое предположение не исключает однако возможности отдельных случаев невозвращения и по другим причинам, например, вследствие каких либо неправильностей в поданных челобитных или просто вследствие приказной волокиты. Законода-

---

[1]) **Там-же**, III, 2, стрн. 30—31.

тель не допускает однако никаких изъятий из правила, установленного им в статье 26-ой. Этим он пресекает дальнейшие споры и таким образом ликвидирует, как теперь принято говорить, все изменения, внесенные в вотчинное землевладение Смутным временем, применительно к тому состоянию, в котором это землевладение очутилось ко времени кодификации.

Часть III, как указано выше, относится ко всем старым вотчинам,—как старинным, существовавшим до Смуты, так и приобретенным в Смутное время, и имеет целью обезпечить старые вотчины от выхода из рода их владельцев.

Сводя вместе все изложенное до сих пор, можем сказать, что первые три части (ст. 1—44) XVII ой главы проникнуты одной мыслью, и мысль эту лучше всего формулировать словами указа 10 июля 1623 года,—„чтобы всякие люди имали свое прямое родственное и купленное своихъ отцовъ и дѣдовъ и братьи своей родныхъ“ [1]).

Обезпечив таким образом наличный фонд вотчинного землевладения за отдельными вотчинниками и родом каждого из них „безповоротно“ [2]) и „неподвижно“, [3]) составители Уложения переходят затем к вопросу о возможности дальнейшего увеличения этого фонда. Указанному вопросу посвящена IV часть XVII-ой главы, содержащая в себе постановления о продаже в вотчину порожжих и пустых поместных земель служилым людям и занятых поместий их владельцам. Сущность и основная цель этих постановлений заключается не в гражданско-правовом регулировании сделок с казной по куплепродаже земли, [4]) а в установлении публичноправового принципа, в силу которого государственная власть выражает готовность поступиться своим поместным фондом в пользу расширения площади вотчинного землевладения. Что дело идет именно о такой уступке государственного интереса в пользу частных интересов служилых людей, видно из тех ограничений, которые положены этой уступке в той же части XVII главы. „А не верстанымъ“, говорится в статье 47-ой, „и ко-

---

[1]) **Там-же**, III, 4, стрн. 31.
[2]) Выражение ст. XVII, 26 Уложения.
[3]) Выражение ст. XVII, 25 Уложения.
[4]) Даже постановление о требовании государева имянного указа для продажи поместной земли в вотчину попало не в IV-ую, а в I-ую часть (ст. 9) по ассоциации, как это мы отметили выше.

торые Государевы службы не служатъ, такихъ (порозжихъ и пустыхъ) земель не продавать. А будетъ кто о такихъ земляхъ учнетъ Государю битичеломъ въ продажю, а инои въ тѣ же поры о тѣхъ земляхъ учнетъ Государю битичеломъ въ помѣстье, и такіе земли отдавать въ помѣстье, а въ куплю не продавать".

На основании произведенного разбора XVII главы Уложения мы приходим к заключению, что в этой главе устанавливается известное ограничение, или точнее самоограничение верховной государственной власти по отношению к вотчинному землевладению служилых людей по отечеству. Самоограничение это проявляется в двух основных положениях: в утверждении и подтверждении прав служилых людей на наличные вотчинные земли и в заявленной государственною властью готовности поступиться своим поместным земельным фондом в пользу расширения площади вотчинного землевладения. Особенно важное значение принадлежит первому из указанных проявлений самоограничения государственной власти. Оно представляет собою ничто иное, как принципиальное признание безповоротности и неподвижности вотчинного землевладения, т. е. признание неприкосновенности частной поземельной собственности служилых людей по отечеству. Политический характер этого признания сказывается вполне определенно в последовательном приложении одного и того же принципа к вотчинам разновременного происхождения, особенно в выделении с этой целью в самостоятельную часть постановлений о вотчинах, происхождение которых связано с Смутным временем. Своеобразная хронологическая система XVII главы дает таким образом ключ к уразумению ея сущности и служит лучшим и надежнейшим средством для толкования содержащихся в ней правоположений.

Из общего принципа признания безповоротности и неподвижности вотчинного землевладения проистекают некоторые специальные его гарантии, устанавливаемые в Уложении. Таковы: 1) ограничение вотчинного землевладения пределами служилого сословия, выразившееся в запрещении на будущее время перехода вотчин к боярским людям и монастырским слугам (XVII, 41);[1]) 2) признание вотчинного землевладения и

---

[1]) Вотчины, купленные дворовыми людьми духовных властей и монастырей до Уложения, остаются за ними, но под условием государевой службы (XVII, 37).

без вотчинных грамот по „скаскѣ“ и сыску (XVI, 51); 3) установление правила, согласно которому оболживленные вотчины признаются выланными и отнимаются на государя не иначе, как по предварительному сыску и по очной ставке (XVII, 17 и XVI, 59),[1]) причем для последней полагаются в интересах вотчинников определенные преклюзивные сроки (XVI, 59); 4) на случай конфискации вотчин за измену обезпечиваются интересы третьего лица, приобретшего вотчину путем купли—продажи или заклада от вотчинника, учинившего потом измену (XVII, 38—40). Из приведенных гарантий требуют некоторого пояснения вторая и четвертая.

„А будетъ про...земли сыщется допряма, что за ними тѣ земли прямые ихъ вотчинные, а не помѣстные земли, и имъ тѣми землями велеть владѣть въ вотчинѣ же, хотя у нихъ на тѣ земли и вотчинныхъ грамотъ нѣтъ, и въ писцовыхъ книгахъ написаны за ними по скаскѣ ихъ“ XVI, 51). В приведенном случае по челобитью подыскивающих себе поместье посторонних служилых людей возникает подозрение, что данная земля не вотчинная частная, а поместная государева. Хотя возникает таким образом подозренье о самовольном присвоении государственных земель, государственная власть не настаивает на непременном представлении вотчинных грамот, отказывается от требования исключительно формального доказательства вотчинных прав и довольствуется тем, что путем сыска проверяет правильность „сказки“ вотчинника, на основании которой земля его занесена в писцовую книгу как вотчинная. Поместный земельный фонд государства уменьшался и оскудевал. Тем не менее государство полагает осуществлению своих притязаний на землю известные пределы, отступает от строго формальной точки зренья и допускает материальную доказуемость вотчинных прав. Отказ от безусловного требования вотчинных грамот свидетельствует об особом уважении государственной власти к вотчинному землевладению и как бы о признании того факта, что „прямое родственное и купленное своихъ отцовъ и дѣдовъ и братьи своихъ родныхъ“ может быть и непроизводным от государственной власти, независимым от

---

[1]) Принцип этот устанавпивается expressim по отношению к вотчинам, данным за московское осадное сиденье (XVII, 17), но, как видно из другой статьи (XVI, 59). распространяется на исе случаи оболживления вотчин, а акже на дела об утаенных поместьях.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГА СССР Инв. № 0443

оффициального укрепления, старинным бытовым землевладением, о котором может „сказать“ только сам вотчинник, и которое могут удостоверить только его соседи, такие же, как и он, насиженные, стародавние землевладельцы. Что именно так смотрела государственная власть на вотчинное землевладение, видно из сопоставления с аналогичным постановлением о поместьях. Не отнимало государство и поместий, когда „помѣстья будут помѣчены, а Государевыхъ грамотъ тѣ люди по помѣтамъ на тѣ свои помѣстья не возьмутъ многое время“, но в случае челобитья подыскивателей считало нужным „велѣть имъ на тѣ свои помѣстья имать Государевы грамоты. А за то что они на тѣ свои помѣстья грамотъ не возьмутъ многое время, имати на нихъ съ тѣхъ грамотъ печатные пошлины въ двое“ (XVI, 53). По отношению к поместьям оказалось неприменимым и недопустимым то признание бытового, так сказать, обладания, которое применялось к вотчинам.

Конфискация по законам Московского государства применялась широко и проводилась неумолимо особенно по отношению к изменнику, который „из Московскаго Государства отъѣдетъ въ иную землю“. Тем не менее в Уложении принимаются меры к ограждению интересов третьих лиц, которые владеют вотчинами изменника по купчим или по просроченным закладным, совершенным до учинения им измены. В соответственных постановлениях предусматриваются три возможных случая: 1) когда купчая или просроченная закладная записаны в книги до акта измены, 2) когда купчая и поосроченная закладная не были своевременно записаны в книги, и 3) когда измена последовала до истечения срока по закладной. В первом случае вотчина не подлежит конфискации и остается собственностью купившего или удержавшего ее по просроченной закладной (XVII, 38); во втором случае вотчина берется на государя „для того, что онъ (третье лицо) ту вотчину купя, или взявъ въ закладъ на срокъ, и послѣ сроку, которой срокъ въ закладной написанъ, за собою въ книги не записалъ (XVII, 39); в третьем случае постановлено: „та вотчина у того у кого она будетъ заложена, взять на Государя, а деньги ему по закладной отдать изъ животовъ того измѣнника“ (XVII, 40). Как видим, интересы третьего лица признаются государственной властью и удовлетворяются. Формальному элементу записи в книги придается при разграничении интересов государ-

ства и третьего лица то же значение, какое он вообще имеет при разграничении интересов первого и второго покупателей (XVII, 34). Таким образом оказывается, что при столкновении с интересами частного лица государственная власть подчиняется общей гражданско-правовой норме, разграничивающей интересы частных лиц. Такое уподобление государства в гражданско-правовом обороте частному лицу знаменует собою принципиальное признание государственной властью нерушимости гражданского права и неприкосновенности лежащей в его основе частной собственности.

Выдвигая гарантии, которыми в Уложении ограждается безповоротность и неподвижность вотчинного землевладения, мы отнюдь их не переоцениваем и не предаемся никаким иллюзиям насчет практического их осуществления. Мы знаем и помним, что гарантии эти весьма далеки от современных нам законных средств обеспечения неприкосновенности частной собственности; мало того, мы считаем необходимым указать, что они стоят значительно ниже того уровня обеспечения частной собственности от произвольного вмешательства и посягательства со стороны государственной власти, на котором стояли законодательство и судебная практика современных Уложению других европейских сословных монархий, даже французской, политический строй которой характеризуется наибольшим преобладанием государственного начала над сословным и потому наиболее близок к „неподвижному крепостному уставу“ Московского государства.[1])

Недостаточное обеспечение неприкосновенности частной собственности в законах и, что еще важнее, несомненная шаткость признанных законом принципов и гарантий в практическом их осуществлении вызывались целым рядом условий жизни Московского государства. Отметим главнейшие из них. Прежде всего приходится указать на широкое применение по

---

[1]) См. **Ф. В. Тарановскиӣ**, Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке, Юрьев, 1911, а также мои последующие заметки и работы: в журн, **Архив за правне и друштвене науке**, кн. XXVIII, Београд. 1925 г., с. 164; **Ф. В. Тарановскиӣ**. Обезпечение прав служилого землевладения в сословно—монархическом строе Московского государства, Ksiega pamiatkowa ku czci Oswalda Balzera, tom II, Lwow, 1925, s. 590—591; **Teodor Taranowski**, Historja prawa poludniowoslawianskiego (najnowsze publikacje) Lwow. 1927. s. 22—23; сравн. **Teodor Taranowski** Historja prawa rosyjskiego, czesc I, Lwow, 1928, s. 65—66.

закону и тем более на практике конфискации частных имуществ. Насколько это обстоятельство подрывало признанные законодателем общие принципы вотчинного землевладения, видно хотя бы из следующего примера, взятого из разбираемой нами XVII главы Уложения. Разсмотренная нами выше ст 38-ая постановляет, что по купчей и просроченной закладной, записанных в книги до учинения продавцом или залогодателем измены, вотчина не конфискуется за последовавшую затем измену ея первоначального владельца и остается собственностью покупателя или закладопринимателя. Это положение вполне правильно и понятно, но оно осложняется затем таким добавлением, которое противоречит здравому смыслу и нормальному правовому чувству. „И тому кто у него ту вотчину купилъ", сказано в ст. 38-ой, „владѣть тою вотчиною **безъ выкупу**, потому что онъ у того измѣнника ту вотчину купилъ до его измѣны. А роду того измѣнника той вотчины на выкупъ не отдавать". Признавая права третьего лица, государственная власть совершенно не признает интересов ни в чем неповинного рода изменника, и чтобы наказать весь род, не задумываясь, награждает случайное третье лицо, придав совершенной им сделке безповоротность, которой бы она по закону не имела, еслибы контрагент не изменил. Из приведенного примера видно, как под влиянием борьбы с изменой рушились все признанные гражданско-правовые принципы. Так обстояло дело в самом законе. Еще хуже оказывалось оно на практике. Необходимо иметь в виду отсутствие сколько нибудь правильной организации и подлинной законности в отправлении суда в Московском государстве. Личный суд государя и и связанные о нем всякого рода изъятия из общей подсудности подрывали в корне институт нормального законного суда, столь необходимый для обезпечения нерушимости гражданских прав. Полная, можно сказать, холопская зависимость судей и возведенная в принцип сменяемость их устраняли все возможные преграды к давлению государственного и казенного интереса на частные права и в то же время нисколько не избавляли населения от личного произвола судей. Пресмыкаясь пред всеми, сидевшими „на верху", судьи вознаграждали себя за свое рабское прекарное положение произвольной расправой с низшими. Безповоротность и неподвижность вотчинного землевладения могли при этих условиях расчитывать на дей-

ствительную судебную защиту лишь постольку, поскольку сами судьи проникались сознанием общности в данном деле интересов своего сословия. Но сознание сословной солидарности среди служилых людей по отечеству было слабо, и причиною тому являлась, как это правильно указал В. И Сергеевич, [1]) одолевавшее их высматриванье, выведыванье и подыскиванье свободных земель друг под другом. Дело доходило до того, что сама государственная власть вынуждена была оберегать служилое землевладение от того расшатыванья, которое вызывалось подыскиваньем, и полагать последнему известные пределы путем, например, установления преклюзивных сроков для очных ставок (ΛVI, 59) и других мер защиты неподвижного и безповоротного владения вотчинников и помещиков (XVI, 59, 61). К судебному произволу присоединялся, наконец, произвол административный. Для вотчинного землевладения имел особенное значение произвол, который проявляли „писцы", так как делаемые ими записи в писцовых книгах являлись одним из средств укрепления вотчинных прав.[2])

Отдавая себе вполне ясный отчет в широте и, можно сказать, безпредельности московского безправья, мы тем не менее должны констатировать тот несомненный факт, что в Уложении содержится принципиальное признание безпов`ротности и неподвижности вотчинного землевладения и устанавливаются для него даже некоторые перечисленные выше специальные гарантии. Несоответствие законодательных определений социальной действительности не может служить основанием к тому, чтобы игнорировать постановления закона при изучении эпохи или, что еще хуже, совершенно о них умалчивать. Такое несоответствие в большей или меньшей степени свойственно всем абсолютным правлениям. Соблюдение собственных законов оказываетя для государственного абсолютизма психологически и политичечески невозможным. Абсолютные правления разнятся между собою только по степени уклонения в них государственной власти от ею же самой признанных и установленных правовых принципов и законодательных определений. Степень этого уклонения была в Мо-

[1]) **В И Сергеевич**, Древности русского права, том I, изд. 3-ье, СПБ. 1909 г., стрн. 662 и 688. См. **Ф. В. Тарановский**, отзыв о сочинении В. И. Сергеевича „Древности русского права, Юрьев, 1911 г., стрн. 41.

[2]) См. **С. Б. Веселовский**, Сошное письмо, том II, Москва, 1916 г., главы IX, X, XI, а также стрн. 377—378.

сковском государстве больше, чем в других современных ему абсолютных монархиях, даже во Франции, но неизбежность уклонения была у него общая с другими.

Крайне необезпечанная и потому ненадежная и в виде общего правила плохая осуществляемость правовых принципов и законодательных определений ослабляете значение, но не отменяет самаго факта признания соответственных принципов и наличности соответственных постановлений в законах. Историк-юрист обязан иметь это в виду. Для того, чтобы характеристика правового состояния эпохи была полной и объективной, необходимо указать, что, не смотря на всю неприглядность правовой действительности, законодательство все же содержало в себе признание государственной властью известных правовых принципов и вытекающие из этого признания некоторые правовые гарантии. Многократно и многообразно нарушаемые, принципы эти и гарантии все же когда нибудь да соблюдались и соблюдались, надо полагать, не в виде исключения, а в большинстве случаев. Если предположить противное, то станет непонятным, как мог вообще существовать и преуспевать государственный строй, основанный на сплошном и, так сказать, принципиальном безправии. Историк не может и не должен поддерживать подобные отрицательно-утопические представления о прошлом.

Задача историка-юриста заключается между прочим в том, чтобы объяснить, каким образом при фактическом безправии государственный строй не только держался, но и удовлетворял жизненным потребностям общества в известную эпоху. Объясняется это, по нашему крайнему разумению, двумя обстоятельствами: во первых, тем, что государственная власть все же формально признавала обязательность для себя известных правовых принципов и в соответствии с этим устанавливала в законе некоторые юридические гарантии; во-вторых, тем, что общество того времени далеко еще не доросло до сознания абсолютной ценности человеческой личности вообще и категоричности идеи права, а потому мирилось с распространенностью нарушения, правовых принципов и законов, и довольствовалось весьма невысоким средним уровнем их осуществляемости. Наконец, в основе всего этого лежала некоторая неустойчивость самого государства в его борьбе за существование. Primum vivere, deinde iustitiam colere,—так оче-

видно следует формулировать девиз Московского государства. Но и в тяжелых и неблагоприятных условиях жизни известные ростки правовой культуры все же существовали. Только при таком взгляде на вещи становится для нас понятным дальнейшее развитие права и государства в стране. Оно может быть объяснено только постепенным, в меру утверждения устойчивости государства, количественным наростанием и качественным совершенствованием правосознания в обществе и правомерности в проявлениях и в самой организации государственной власти.

После всего сказанного не останется уже, надеемся, у читателя никаких сомнений относительно того, в каком смысле мы говорим о признании в Уложении царя Алексея Михайловича безповоротности и неподвижности вотчинного землевладения.

Источником XVII главы Уложения послужили указы' изданные преимущественно в царствование Михаила Феодоровича, в которых ликвидировалась смута и давалось удовлетворение сословно-имущественным интересам служилых людей по отечеству в соответствии с той ролью, которую они сыграли в борьбе с „разрухой“ и в деле возстановления государственного порядка и устроеныя земли. Подтверждение и укрепление имущественно правовых достижений служилого сословия в Уложении царя Алексея Михайловича вызвано было тем общественным движением, с которым связано появление в свет самого Уложения. На связь Уложения с общественным движением, прорвавшимся в июньском бунте 1648 года, указывал еще Д. Мейчик.[1]) В новейшее время выяснил эту связь окончательно по новым архивным данным П. П. Смирнов.[2]) В самые последние годы обработал этот вопрос систематически С. И. Тхоржевский.[3]) Но в систематическом изложении г. Тхоржевского не нашло себе места обезпечение безповоротности и неподвижности вотчинного землевладения.

---

[1]) **Д. Мейчик**, Дополнительные данные к истории Уложения 1649 г., Сборник СПБ. Археологич. Института, 1880 г., кн. III.

[2]) **П. П. Смирнов**, О начале Уложения и Земского Собора 1648—49 г.г., **Журн. Мин. Нар. Просв.**, 1913 г., сентябрь.

[3]) **С. И. Тхоржевский**, Народные волнения при первых Романовых, Потроград, 1924 г. Автор посвящает особый отдел „мятежу“ 1648 г. и Соборному Уложению 1649 г.

Большую часть площади служилого землевладения к половине XVII в. составляли не вотчины, а поместья.[1]) Вследствие этого для обезпечения сословно-имущественных интересов служилых людей по отечеству существенно важной была не только XVII глава Уложения „о вотчинахъ“, но и XVI глава „о помѣстныхъ земляхъ“. В последней обезпечивается пользовладение государственной землей как за имянными, так и за прожиточными служилыми людьми, их вдовами и дочерьми. Устанавливаются в этом отношении обязательные для государственной власти общие правовые нормы и некоторые гарантии для помещиков. Среди них заслуживают быть особенно отмеченными: установление очных ставок по челобитьям об утаенных поместьях (XVI, 59); постановления определяющее порядок пожалования „выморочных“ поместий детям и родственникам (XVI, 13 и др.), а также законодательные нормы, обезпечивающие пользовладение прожиточными поместьями, каковы: отмена „пожити“ (XVI, 8) и отказ от уменьшения размеров прожиточных поместий служилых людей старых и увечных, раз они выставляют даточных людей или платят за них деньги (XVI, 61). В двух последних постановлениях особенно ярко проявляется самоограничение государственной власти, поступающейся собственными интересами в пользу интересов частных. Подтверждение прав на поместья, не отнятые у раскаявшихся тушинцев (XVII, 25), устанавливают неподвижность поместного землевладения. Во всем этом сказывается признание государственной властью известных установленных законом субъективных имущественных прав служилых людей по отечеству, но нет признания неприкосновенности частной собственности, ибо поместныя земли оставались собственностью государства.[2]) Только безповоротность и непо-

---

[1]) См. **Е Д. Сташевский**. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века, Москва, 1911 г., стрн. 17—18.

[2]) Поэтому поместья не наследовались в цивилистическом смысле этого слова. У сыновей служилых людей было лишь право на преимущественное пожалование их из отцовских поместий. Об этом они должны были бить челом, и им жаловали поместную землю отца по окладу, так что мог от нея оставаться еще лишек (XVI, 13), совершенно немыслимый при наследовании в порядке гражданского права. В виду отсутствия наследования поместий в цивилистическом смысле всякое поместье после смерти своего владенья становилось и называлось „выморочнымъ“ (XVI,13). Никак не можем согласиться с мнением В. Н. Сторожева, который считает приложение к поместьям термина „выморочное“ следствием утвер-

движность вотчинного землевладения может быть разсматриваема как признание государственной властью неприкосновенности частной собственности. Однако распространение признания неподвижности и на поместья (XVII, 25) свидетельствует об общем обезпечении прав служилого землевладения в Уложении царя Алексея Михайловича.[1]) Различные по своей цивилистической природе два вида служилого землевладения в публичноправовом отношении объединялись в общей неподвижности. Это конечно еще не гражданско-правовое уровнение поместий с вотчинами, но важный этап по пути к нему.

V.

Полученные нами выводы о признании государственной властью в Уложении неприкосновенности частной поземельной собственности и поместного землевладения служилых людей мы должны связать с имеющимся уже в литературе аргументированным мнением о том, что Уложение устанавливает некоторые гарантии и для неприкосновенности личности. Это мнение высказано Г.Г. Тельбергом в его исследовании о политическом суде и политических преступлениях в Московском государстве XVII века.[2])

Обвиненье в политических преступленьях и суд по ним, в котором государство оказывается и потерпевшей стороной и судьей, всегда открывали широкий простор для произвола государственной власти над личностью подданных. Законодательная регламентация этой области, поскольку она вносила в нее известные начала правомерности, всегда приобретала значение важной политической гарантии, обезпечивающей так или иначе неприкосновенность личности от наиболее опасных для нее поползновений со стороны государственной власти.

дившагося фактического их наследования, приближавшего их к вотчинам (см. **указная книга По местного приказа**, изд. В. Н. Сторжевым, стрн. 22). Напротив того, приложение этого термина ко всякому поместью после смерти его владельца должно было оттенять и подчеркивать отличие „фактического наследования" от наследования юридического, в частности в гражданско-правовом смысле этого слова.

[1]) См. **Ф. В. Тарановский**, Обезпечение прав служилого землевладения в сословномонархическом строе Московского государства, Ksiega pamiatkowa ku czci Oswalda Balzera, tom II, Lwow, 1925, str. 583—593.

[2]) **Г.Г. Тельберг**, Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века, Москва, 1912 г.

Политическим преступлениям и политическому суду посвящена в Уложении II глава,—„о Государской чести, и как его Государское здоровье оберегать". Глава эта является главным и центральным предметом упомянутого выше изследованья Г. Г. Тельберга.

Г. Г. Тельберг устанавливает генетическую связь между „идеей закономерного политического суда в ограничительных записях Смутного времени" [1]) и II главой Уложения и приходит к выводу, что „те правовые требования, которые выразились в ограничительных записях Смутного времени, Уложение царя Алексея Михайловича претворило в положительный закон". [2]) Приведенное утверждение заходит черезчур далеко и переоценивает значение II главы Уложения. Но автор снабжает свой первоначальный вывод дальнейшими оговорками, благодаря которым взгляд его на значение II главы Уложения приводится в соответствие с подлинным ее характером и потому оказывается применяемым. Оговорки эти следующие: 1) II глава Уложения отнюдь не является „законодательным выраженьем судебно-политического обязательства царя", [3]) причем автор очевидно разумеет здесь формальное обязательство, каковое имелось в ограничительных записях Смутного времени; 2) правовая идея „истинного суда" по политическим преступлениям претворилась в Уложении в положительный закон, „утратив свою политическую притязательность"; [4]) 3) политический суд, устанавливаемый законодательными определениями II главы Уложения является „может быть, весьма несовершенным и упрощенным, может быть, далеко уходящимъ от началъ истинных и праведных, на которыхъ присягнул царь Василій Шуйский". [5])

Можно и, полагаем, должно согласиться с тем, что Уложение в общем дало законодательное осуществление выдвинутому в Смутное время политическому принципу „истинного суда" по государственным преступлениям. Необходимо однако иметь в виду, что оно сделало это в пределах и в форме,

---

[1]) **Г. Г. Тельберг**, назв. сочин., § 2, стрн., 19—27.

[2]) **Там-же**, стрн. 27.

[3]) **Там-же**, стрн. 27—28

[4]) **Там-же**, стрн. 34.

[5]) **Там-же**, стрн. 49.

совместимых с самодержавным характером восстановленной после „разрухи“ власти великого государя. Став на такую точку зрения, займемся обзором и разбором тех гарантий неприкосновенности личности, которые устанавливаются во II главе Уложения. При этом рассмотрим сперва гарантии в области материального уголовного права и затем—в области права формального, т. е. процессуального.

С точки зрения материального уголовного права следует прежде всего отметить, что II глава Уложения определяет круг и состав политических преступлений, различает отдельные их виды и устанавливает известную систему их.[1]) В этом отношении Уложение делает значительный шаг вперед не только по сравнению с Судебниками, в которых значится не поддающийся точному определению и юридическому учету „коромольникъ“,[2]) но и по сравнению с ограничительными записями Смутного времени, которые провозглашали принцип „безъ суда и вины никого не казнити“, но умалчивали совершенно о том, за какие же „вины“ казнить можно и должно.[3]) Приведение перечня и определение состава политических преступлений в законе несомненно обезпечивает личность от произвола со стороны государственной власти.

Следует однако заметить, что законодательный перечень политических преступлений во II главе Уложения не полон. В него не вошло оскорбление государевой чести „непригожим“ или „непристойным словом“.[4]) Пробел—весьма существенный, так как обвинения в этом преступлении являлись на практике едва ли не самым распространенным видом „слова и дѣла“. Умолчание в Уложении о „непристойныхъ“ словах может быть объяснено единственно сознательным расчетом государственной власти не связывать себе рук в таких политических процессах и произвольно видоизменять в них как состав преступления, так и наказание [5])

---

[1]) **Там-же**, глава III.

[2]) **Там-же**, стрн. 50—52.

[3]) **Там-же**. стрн. 28.

[4]) **Там-же**, стрн. 105—115.

[5]) **Там-же**, стрн. 114—115. Следует при этом иметь в виду, что московские разыскные власти рассматривали иные непристойные слова как проявление изменного умысла (**там-же**, стрн. 167), т. е. квалифицировали их как тягчайшее государственное преступление.

Вторым важным постановлением материального характера являет во II главе Уложения установление принципа индивидуальной ответственности за государственные преступления, выразившееся в признании несответственности жены, детей, родителей и прочих родственников изменника, буде они про его измену не ведали (II, 7—9). Неведение при этом однако не презумируется впредь до доказательства противного. Напротив того, в виде общего правила предполагается „ведение", а посему семья и родственники неизменно привлекаются к делу в качестве обвиняемых, „неведение" которых требуется доказать, onus probandi отрицательного факта возлагается на них самих. [1]) Таким образом известное юридическое правило,— unusquisque praesumitur bonus, donec contrarium probetur,— вообще туго прививавшееся в московском суде, в данном случае заменяется прямо обратным; родственники изменника предполагаются ведавшими об измене и недоносителями, покуда противное ими не доказано. [2]) Объясняется это тем, что государственная власть все еще находилась под влиянием старинного представления о коллективной ответственности за измену семьи и рода изменника: отступив от него, она все же не могла отказаться от презумпции ведения. [3])

Переходим к процессуальным постановлениям II главы Уложения. Политический процесс начинается с извета, и ответчику отводится активная роль обвинителя в этом процессе.[4])

---

[1]) **Там-же**, стрн. 29, 127, 166—167, 243, 252—253.

[2]) Литовский Статут III-ьей редакции больше считается с личностью членов семьи изменника, не говоря уже о членах его рода, которые оставляются им в стороне Для взрослых сыновей он прямо требует доказательства их ведения, а относительно жены, хотя и презумирует, повидимому, ея ведение, но разрешает ей доказать неведение свое присягой. „А сынове такового здрайцы дорослые, и которые бы тежъ зъ доводомъ слушнымъ оказались быть ведомыми тое здрады отцовское, также честь и горло тратити мають... А жены таковыхъ здрадецъ, которые не будутъ ли ведали тое здрады мужовъ своихъ, а съ того ея выведутъ присегами своими, таковы именей своихъ отъ чистыхъ и материстыхъ и вена передъ учинкомъ тое зърады имъ отъ мужей ихъописанаго не тратятъ" (Розд. I, арт. 3). Очищение присягой предоставляется и выделенным сыновьям (Розд. I, арт. 7).

[3]) Г.Г. Тельберг отрицает в данном случае какое бы то не было влияние идеи ответственности всех членов рода (стрн. 243), с чем трудно согласиться, ибо презумпция ведения применялась ведь только к родственникам,—Литовский Статут даже в конфискации имущества видит отступление от начала индивидуальной ответственности (Розд. I, арт. 18) и как бы переживанье коллективной ответственности семьи.

[4]) **Г.Г. Тельберг**, назв. сочин., глава IV.

Институт извета в государевом деле создан был в интересах государственной власти в виду слабой полицейско-розыскной организации того времени. недостаточности органов, несовершенства приемов и трудности полицейского надзора.[1]) Лежавшая на всех обязанность извета в государевом деле приводила к какому-то круговому полицейско-политическому надзору всех за всеми, что должно было отражаться на личности самым угнетающим образом. То, что изветчика не скрывали, а ставили на суд и заставляли выступать открыто и активно,[2]) несомненно улучшало положенье обвиняемого, но не устраняло той крайней неуверенности в личной безопасности, которая поддерживалась возможностью начатия дела по первому же непроверенному и бездоказательному извету.[3]) Единственной реальной гарантией против недобросовестного ложного извета являлись постановление Уложения, угрожавшее недобросовестному изветчику за ложный извет тем же наказанием, которому бы подлежало обвиняемое им лицо в случае доказанной вины его. „А будетъ кто на кого доводилъ Государево великое дѣло, или измѣну, а не довелъ, и сыщется про то допряма, что он, такое дело затѣялъ напрасно, и тому извѣтчику тоже учинити, чего бы довелся тотъ, на кого онъ доводилъ“ (II, 17).[4]) В этом постановлении Уложения повторяется, по верному замечанию Г.Г. Тельберга,[5]) угроза, провозглашенная в записи царя Василия Ивановича Шуйского: „а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по вине его, что былъ взвелъ неподдѣльно, тѣмъ самъ осудится“.

Хотя подданные московского государя могли быть привлечены к обвинению в государевом деле и по бездоказательному извету, но окончательное признание их виновности и наложение на них наказания могло последовать не иначе, как после определенного суда, понимаемого в широком смысле

---

[1]) **Там-же**, стрн. 133—134.

[2]) Г.Г. Тельберг к числу достоинств московского розыска по политическим делам в XVII веке сравнительно с практикой XVIII века относит то, что „в немъ обвинитель, ответственный и никакой тайной не прикрытый, ставился лицом к лицу с обвиняемым“ (стрн 314).

[3]) О возбуждении дел по боздоказательным изветам см. **Г.Г. Тельберг**, назв. сочин., стрн. 136—137.

[4]) Отступление от общего правила в ст. II, 14, 13, 22. Об этом см. **Г.Г. Тельберг**, назв. сочин., стрн. 153—157.

[5]) **Там-же**, стрн. 29.

этого слова. „А кто на кого учнет извещати Государево дѣло или измѣну, а того на кого онъ то дѣло извѣщаетъ въ то время въ лицахъ не будетъ, и того на кого тотъ извѣтъ будетъ сыскати и поставить съ извѣтчикомъ съ очей на очи, и противъ извѣту, про Государево дѣло и про измѣну сыскати всякими сыски на крѣпко, и по сыску указъ учинить“ (II, 16). В приведенной статье формулирована общая и основная гарантия неприкосновенности личности при преследовании за государственные преступления,—лицо признается виновным и подвергается наказанию не иначе, как по суду.[1]) Надлежащей для этого формой суда полагается следственный, или розыскной процесс, осложненный некоторым моментом состязательности, именно—сыск и очная ставка с изветчиком, на которого, как знаем, возлагалась по закону активная роль обвинителя. Если мы с этим сопоставим отмеченный нами выше принцип, согласно которому оболживленные вотчины признавались выгашными и отнимались на государя не иначе, как по предварительному сыску и по очной ставке (Уложение XVII, 17 и XVI, 59), то окажется, что как для личной неприкосновенности, так и для неприкосновенности частной собственности установлена в Уложении одна и таже общая судебная гарантия. Тождественность судебной гарантии в обоих случаях вполне понятна, так как обезпечение интересов личности устанавливается на случай обвинения в государевом деле или в измене, наказание за которые поражало не только самое лицо смертной казнью, но и имущество его взятьем на государя.

Очная ставка, хотя и входит в общий состав сыска, однако в ст. 16-ой II главы Уложения ставится на ряду с ним. Такое выделение очной ставки и сопоставление ее на равных началах со всем сыском сделано недаром. Основаньем для этого послужило то обстоятельство, что очная ставка обвиняемого с изветчиком вносит в розыскной процесс элемент состязательности и вследствие этого на самом деле создает для подсудимого особую гарантию.[2]) Чтобы доказать такое именно значенье очной ставки, Г. Г. Тельберг ссылается, с одной стороны, но то, что очная ставка особо оговорена в записи царя Василия Ивановича Шуйского, и с другой стороны, на дан-

---

[1]) **Там-же**, стрн. 30.

[2]) **Там-же**, стрн. 195—196.

ные судебной практики, согласно которым осужденные за политическия преступления выражали протест, если приговор состоялся без очной ставки.[1]) К этим двум доказательствам мы можем прибавить еще третье, и именно,—то обстоятельство, что само Уложение выдвигает очную ставку на первый план, и притом явно в интересах обвиняемого в качестве существенного способа их обезпечения. На случай оболживления разными подыскивателями земель вотчин, пожалованных за московское осадное сиденье, Уложение предписывает: „про тѣхъ людей, за которыми такие вотчины, сыскивать на крѣпко, и съ тѣми людьми, кто на нихъ станетъ бити челомъ, ставить съ очей на очи“ (XVII, 17). В приведенной цитате очная ставка упомянута на втором месте, после сыска, но в конце статьи где категорически формулируется судебная гарантия безповоротности выслуженных вотчин, сделана перестановка и требование очной ставки выдвинуто на первый план: „А за очи и не сыскавъ допряма, тѣхъ вотчинъ у нихъ не отъ имать„ (XVII, 17). В статье же 16-ой II-ой главы Уложения очная ставка тоже поставлена на первое место,—пред сыском, но, так как статья начинается с предписания „сыскати“ обвиняемого, не оказавшегося на лицо, чего требовал интерес государев, то этим затемняется в данной статье значение очной ставки, как института, обезпечивающего интересы подсудимого.

Раз мы уже проводим параллель между судебными гарантиями личной и имущественной неприкосновенности по Уложению, то необходимо отметить, что для обезпечения интересов вотчинников и помещиков от злонамеренной волокиты со стороны челобитчиков о выганных вотчинах и утаенных поместьях устанавливаются для очных ставок преклюзивные сроки (XVI, 59), а розыск по государевым делам таких сроков не знает. Последнее обстоятельство объясняется тем, что о

---

[1]) **Там-же**, стрн. 196—197.—Г.Г. Тельберг полагает, что очная ставка не требовалась статьей VI, 6. Уложения, так как она в ней сцециально не упомянута, и предписание о розыске исчерпывается в ней „распросами“ и „сыскомъ“ (стрн. 191 –192). Статья VI, 6 не упоминает специально об очной ставке потому, потому что предписывает помещиком и вотчинникам не только извещать на своих холопов и крестьян в измене, но и приводить их к воеводам. Значит, помещики и вотчинники были на лицо, и предписанные статьей расоросы производились в их присутствио, так что вряд ли может быть речь о нарочитом исключении очной ставки по статье VI, 6.

волоките со стороны изветчика не могло быть и речи, так как он в виде общего правила подвергался задержанию и, следовательно, непрестанно находился в распоряжении судебных властей и под рукой у них,[1]) так что во II главе Уложения законодатель озабочен тем, что „въ лицахъ не будетъ“ не изветчика, а обвиняемого.

Особая гарантия против произвола со стороны административных властей устанавливается тем, что исходящий от воевод и приказных людей извет о „скопѣ и заговорѣ“ против них мог быть опровергнут одним лишь повальным обыском, который назначался по челобитью обвиняемого и исход которого оказывался для него благоприятным, без всяких других приемов сыска. „А будетъ изъ котораго города, или изъ полковъ воеводы и приказные люди отпишутъ къ Государю на кого на служилыхъ или на иныхъ чиновъ на какихъ людей, что они приходили къ нимъ скопомъ или заговоромъ и хотѣли ихъ убить. А тѣ люди на кого они отпишутъ, учнутъ бити челомъ Государю на воеводъ и на приказныхъ людей о сыску. что они скопомъ и заговоромъ къ нимъ не прихаживали, а приходили къ нимъ не многіе люди для челобитья, и по тому челобитью про нихъ въ гордѣхъ сыскивали всѣмъ городомъ, а въ полкѣхъ всѣми ратными людьми. Да будетъ сыщется про них допряма, что они въ городѣхъ и въ полкѣхъ къ воеводамъ приходили для челобитья, а не для воровства, и ихъ по сыску смертью не казнити. А воеводамъ и приказнымъ людямъ, которые на нихъ отпишутъ къ Государю ложно, за то чинить жестокое наказаніе что Государь укажетъ“ (II, 22).[2]) Возможность противопоставить отписке городовых или полковых воевод коллективное свидетельство и решающий дело коллективный отзыв округи или полка несомненно обезпечивала личность от произвола административных властей.

---

[1]) **Там-же** стрн 146—148.

[2]) Г. Г. Тельберг приводит настоящую статью лишь как случай узаконенного Уложением применения повального обыска к розыску по государевым делам (стрн. 211), и, к сожалению, не усматривает в ней гарантии против произвола административных властей. Если даже согласиться с Г. Г. Тельбергом, что повальный обыскъ предусматривался и статьей VI, 3 (**назв. сочин.**, стрн. 211—212), то этого обыска нельзя приравнивать по значению к обыску по статье II, 22, так как статья VI, 3 предписывает «сыскивать всякими сыски» и, следовательно, не признает повального обыска единственно достаточным средством сыска, проверяющим к тому же утверждения обвиняемого, как это имеет место в ст. II, 22.

Сыск по государевым делам отличался от общеуголовного розыска по делам разбойным и татебным некоторыми особенностями. Особенности эти вызывались соображениями государственного интереса в свойственном эпохе узком его понимании и потому отягчали, а не облегчали положение подсудимого. Только в одном случае особенности эти ставили и подсудимого в условия более благоприятные. Мы имеем в виду особый порядок срочности, спешности, неотложности в судебном производстве „великихъ Царственныхъ дѣлъ“, ради чего отменялся даже праздничный отдых в государственных установлениях (Уложение, X, 25).[1]) От такой срочности и спешности выгадывал конечно и подсудимый, которого в общем процессе донимали и изводили пресловутой московской волокитой. Выгода для подсудимого в данном случае являлась однако не прямым следствием устанввленной для него личной гарантии, а всего лишь рефлексом действия обезпечения государственного интереса, который требовал быстроты и натиска в уловлении государственных преступников и в пресечении умышленного на Царское Величество злого дела.

Наиболее существенная процессуальная гарантия по политическим преступлениям заключалась, по мнению Г.Г. Тельберга, в том, что компетентным органом для вершения великих государевых дел признавалась только верховная власть, именно,—государь с боярской думой.[2]) Правда, в Уложении такая гарантия нигде прямо не формулируется, но Г.Г. Тельберг выводит ее из ряда косвенных указаний этого законодательного сборника. „Уложение“, говорит нам автор, „во второй главе не однажды упоминает о государе, как органе политического суда и приурочивает его участие именно к заключительной стадии производства—приговору или „вершению“. Государь „жалует на прожиток“ семье осужденного изменника (II, 7) и оно же „указывает государево жалованье“ тому, кто изменника, догнав на дороге, убьет или „приведет к государю“ (II, 15); наконец, ст. II. 12 предусматривает непосредственное решение государя по такому делу, в котором розыск протекает без улик и без свидетелей. Но самое важное указание на верховную власть, как на орган политического суда, содер-

---

[1]) **Там-же**, стрн. 177.

[2]) **Там-же**, стрн. 293—294.

жится не во второй, а в двадцатой главе Уложения: „будетъ кто измѣнитъ, из Московскаго государства отъѣдетъ въ иное господарство, а послѣ его людемъ его **по государеву указу и по боярскому приговору дана будетъ воля**, и тѣ его люди съ воли бьютъ челомъ кому въ холопство, а после того тотъ измѣнникъ изъ измѣны воротится... до тѣхъ его людей, которымъ безъ него дана будетъ воля, дѣла ему нѣтъ“ (XX, 33). На что указывают эти слова „по государеву указу и по боярскому приговору“? не на законодательный акт очевидно, потому что они приурочиваются к будущему („дана будетъ воля“), а на **судебный приговор**: стало быть, в них заключено указание на орган, постановляющий решения по политическим делам: это есть „государь и дума боярская“.[1]) В подтверждение правильности такого толкования приведенных указаний Уложения Г.Г. Тельберг ссылается на данные соответственной судебной практики.[2])

Признавая компетентными для вершения великих государевых дел государя и боярскрю думу, Г.Г. Тельберг видит гарантию для подсудимого собственно в соучастии думы. Поэтому он выдвигает боярскую думу на первый план и закрывает ею личный суд государя, о котором находит возможным даже не упомянуть при подведении итогов своего исследования. В заключительной характеристике московского розыска по политическим делам, данной на последней странице труда Г.Г. Тельберга, читаем: „решающей инстанцией выступает не исключительное судилище, созданное велением верховной власти, а обычное и старинное коллегиальное учреждение с привычками судебных форм и следами исторической независимости“.[3]) Дума характеризуется здесь теми же чертами, которые выдвигаются и учитываются Г. Г. Тельбергом при оценке судебно-процессуального значения „суда съ бояры“, установленного в ограничительной записи царя Василия Ивановича Шуйского.[4]) В виду этого следует признать, что в указаниях Уложения на вершение великих государевых дел по государеву указу и по боярскому приговору Г.Г. Тельберг усматривает традицию того „истиннаго суда съ бояры“, на котором цело-

---

[1]) **Там-же**, стрн. 295.
[2]) **Там-же**, стрн. 295—297.
[3]) **Там-же**, стрн. 314.
[4]) **Там-же**, стрн. 22.

вал крест царь Василий Иванович Шуйский. Такой вывод относительно мнения Г.Г. Тельберга подтверждается всем рассужденьем нашего автора о роли государя и думы боярской в политическом суде[1]) и потому должен быть принят, не смотря на то, что в особом перечне процессуальных постановлений II главы Уложения, отразивших в себе судебные гарантии ограничительных записей Смутного времени, „судъ съ бояры“ автором не упомянут.[2])

Взгляд на боярскую думу как на „решающую инстанцию“ в розыске по политическим делам побуждает Г.Г. Тельберга обсудить вопрос о праве боярской думы постановлять решения самостоятельно без предварительного полномочия и без последующей санкции со стороны государя. Ответ на этот вопрос добывается путем извилистым, который в конце концов приводит автора к отрицанию его первоначальной мысли о боярской думе, как „решающей инстанции“ политического суда. Сначала автор уверяет, что „лаконическая формула бояре приговорили“ неопровержимо свидетельствует о праве боярекой думы самостоятельно вершить политические дела“[3]) Затем „некоторые черты судопроизводственной практики тех времен заставляютъ“ автора „с осторожностью раздвигать границы самостоятельных судебно-политических решений этого верховного трибунала“.[4]) Потом приходится прийти „к убеждению, что лаконическая формула „бояре приговорили“ не всегда указывает на самостоятельное боярское решение, а в иных случаях должна разсматриваться, как плод неточности и погрешности московского приказного языка“.[5]) Далее автор обнаруживает, что в ряде случаев, приведенных в качестве примеров самостоятельных судебно-политических решений боярской думы, собственные определения последней простирались не на все моменты вершения дела, „и самый приговор

---

[1]) **Там-же.** глава VII, § 2.

[2]) **Там-же.** стрн. 29.—Умолчание в данном месте о „суде с бояры“ объясняется тем, что это правило не повторено в Уложении прямо и выведено автором из косвенных указаний, разбор которых сделан дальше (стрн. 295), а не в помещенной в начале труда общей характеристике II главы, после которой непосредственно и дан упомянутый выше перечень.

[3]) **Там-же**, стрн. 297.

[4]) **Там-же**, стрн. 298.

[5]) **Там-же**, стрн. 298.

в таких случаях постановлялся не одним только боярским разсмотрением, а в купе с государевым указом.[1]) Некоторые виды сочетания боярского рассмотрения с государевым указом, именно относящиеся к случаям оправдания подсудимого, вызывают даже у автора риторический вопрос: „не напоминает ли эта процессуальная картинка XVII века современное нам разделение судебных коллегий на судей факта и судей права?“[2]) Наконец, автор приводит ст. 12-ую II главы Уложения, которая безусловно лишает боярскую думу юридической возможности выносить оправдательный приговор, когда нет на лицо неоспоримых и совершенных с тогдашней точки зрения доказательств невиновности. Эта статья проливает на весь вопрос столь новый свет, что под его влиянием автор не только отказывается от мелькнувшей было у него мысли об уподоблении бояр судьям факта, а царя судьям права, но и отвергает исходное положение о праве боярской думы самостоятельно вершить политические дела. Такой именно характер носит заключительный вывод нашего автора, который гласит: „весь уклад московских политических отношений, глубоко— монархические традиции московского государственного строя не оставляют никакого сомнения в том, что самостоятельная компетенция боярской думы опиралась на подразумеваемое согласие царя и без такого согласия ни один боярский приговор не мог быть исполнен.“[3]) Это заключение автора является правильным по существу, так как соответствует действительному положению дела и реальному соотношению политических сил особенно ко времени составления Уложения.

В том, что Уложение признает компетентным органом для вершения великих государевых дел государя с боярской думой, Г. Г. Тельберг усматривает, как мы это указывали, традиционное проявление введенной ограничительною записью Шуйского правовой идеи об „истинном суде с бояры“, как законном суде по политическим преступлениям. Имея в виду эту именно традицию, Г. Г. Тельбер ставит вопрос о том, „можно ли указать определенный круг дел, по которым **царь был обязан испрашивать согласие думы**, и в которых, следовательно, последняя выступает как обязатель-

---

[1]) **Там-же**, стрн. 298.
[2]) **Там-же**, стрн. 299.
[3]) **Там-же**, стрн. 299—300.

ная участница верховной юрисдикции государя?“[1]) Относительно решения этого вопроса со времени Уложения дается Г. Г. Тельбергом отрицательный ответ. „Уложение“, говорит автор, „правда, отразило еще в своих постановлениях взгляд на думу боярскую, как на постоянный орган в вершении тяжких политических дел;... но практика позднейших лет являет нам уже не один пример назначения смертной казни и конфискации единоличным решением царской власти без всякой ссылки на приговор бояр“.[2])

Рассмотрев подробно учение Г. Г. Тельберга о вершении великих государевых дел государем с боярской думой, мы в свою очередь должны поставить вопрос, можно ли в такой подсудности политических преступлений признать гарантию, установленную Уложением в интересах подсудимого. На этот вопрос мы категорически отвечаем: нет.

К такому отрицательному ответу склоняет нас не отсутствие в Уложении формального обязательства со стороны царя не казнить никого в великом государевом деле, „не судя истиннымъ судомъ съ бояры своими“. По общему состоянию государевой власти в половине XVII века Уложение не могло ни подтвердить прецедент ограничительной записи царя Василия Ивановича Шуйского, ни последовать примеру Литовского Статута (Стат. 1588 г., розд. I, арт. 2). Ни в чем государевой власти формально не ограничивая и ни к чему государя формально не обязывая, Уложение знает однако самоограничение государевой власти, проистекающее из ее полноты и собственного благоизволения. В духе и в пределах такого самоограничения государевой власти устанавливаются в Уложении некоторые гарантии для подсудимого, образцом которых может служить постановление о необходимости очной ставки и сыска для осуждения и наказания виновного в государевом великом деле или в измене. Содержащая это постановление статья (II, 16) наглядно показывает нам, как принаравливаются к упрочившемуся строю Московского государства и как в силу этого формулируются в кодексе середины XVII века те правоположения, происхождение которых восходит к ограничительным записям Смутного времени, и кодификация которых производилась по образцу

---

[1]) **Там-же**, стрн. 300.
[2]) **Там-же** стрн. 300.

Литовского Статута. Ничего соответствующего установлению „истинного суда с бояры“ в Уложении нет. Если бы составители Уложения имели в виду кодифицировать это установление, то о нем всего уместнее было бы сказать именно в ст. 16-ой II главы. Но статья молчит об этом, молчит и вся II глава Уложения.

Приводимые Г. Г. Тельбергом и несомненные косвенные указания Уложения на то, что политические преступления вершились по государеву указу и по боярскому приговору, правильно свидетельствуют об этой подсудности, подтверждаемой к тому же и данными судебной практики. Но из косвенных указаний никак нельзя сделать вывод о том, что подсудность политических преступлений государю с боярами возводилась Уложением в гарантию для подсудимого. Отсутствие же прямой формулировки такой подсудности, особенно в виду проявляемого Уложением стремления к водворению правильного порядка суда по инстанциям (X, 20), говорит в пользу того, что подсудность политических преступлений суду государя с боярами не рассматривается в Уложении как обеспечение интересов подсудимого путем установления для него законного суда в техническом смысле этого слова.

Подсудность политических преступлений определялась не стремлением к обеспечению интересов подсудимого, а интересами самого государя, которые согласно пониманию того времени требовали не наиболее правомерного, а наиболее действительного с точки зрения целесообразности и наиболее успокаивающего самого государя обеспечения его от умышленного на него злого дела. По этим соображениям политические преступники привлекались к личному суду государя. Личный же суд царя отправлялся с боярами, как обычными соучастниками в делах верховного правления.

В пользу того, что подсудность политических преступлений определялась интересами государя, говорят следующие данные: 1) разрешение изветчику в государевом деле бить челом непосредственно государю, минуя подчиненные инстанции (II, 18); отступление от порядка инстанций для изветных челобитных[1]) может быть объяснено единственно тем, что таким путем предоставлялась возможность лучшего и надежнейшего

[1]) См. **там-же**, стрн. 137—138.

осуществления публичноправовой обязанности извета в государевом деле, возложенной на всех подданных в интересах, само собою разумеется, государя;[1]) 2) государь и дума боярская не только вершили великие государевы дела, но и принимали участие в розыске по ним,[2]) притом не по челобитью подсудимого, а по собственной инициативе; 3) бояре, констатировав факт невиновности подсудимого в государевом деле, не дерзали формулировать окончательного суждения об его оправдании, очевидно, потому, что этим задевались интересы государя [3])

Хотя посудность политических дел государю с боярской думой проводилась в интересах государя, тем не менее она могла восприниматься и на самом деле воспринималась подсудимым как обезпечение его интересов. В практике политического суда XVII века обвиняемые неустанно бьют челом, чтобы „велѣлъ государь доложить себя, государя".[4]) Такое явление вытекало из общего воззрения того времени на личный суд государя как на крайнее прибежище правосудия и на надежнейшее обезпечение справедливости. Необузданный произвол подчиненных властей в корне подрывал доверье московского общества к их суду; ничего не оставалось, как только надеяться, что правды на земле можно добиться только у царя, как помазанника Божья. Вот почему истцы, ответчики и подсудимые всячески старались миновать все судебные инстанции с их волокитой и кривдой и, во что бы то ни стало, добиться для себя личного суда государя. Сравнительно с судом подчиненных властей личный суд государя с боярской думой лучше творил правосудье не только в представлении общества, но и на самом деле. Поэтому от подсудности политических дел государю с боярской думой получалось известное обезпечение для интересов подсудимого. Но оно не представляло собою прямо предоставленной подсудимому гарантии, а было рефлексом охраны интереса государева.

Невыгодной стороной личного суда государя являлась окончательность его решений и невозможность их обжалования.

---

[1]) См. **там-же**, стрн. 121—125.

[2]) **Там-же**, стрн. 301—304.

[3]) **Там-же**, стрн. 299.

[4]) **Там-же**, стрн. 295.

Случаи пересмотра вершеных политических дел допускались в виде исключения, были затруднительны и редки.[1])

Непосредственный суд государя не избавлял однако подсудимого от воздействия на его участь посредствующих властей. Решение государя с боярской думой по политическим преступлениям выражалось в „помѣтѣ“ на рассмотренном и вершенном деле. Помета носила характер краткой, нередко лаконической резолюции. Помета направлялась в приказ,[2]) и в приказе содержанье пометы перерабатывалось в государеву грамоту воеводе, каковая и становилась текстом приговора, обязательным для исполнения.[3]) В этой переработке первоначальной резолюции в приговор в окончательной форме приказ проявлял известную долю свободного творчества. Приказ не только толковал и развивал краткие положения пометы, но и дополнял ее содержание подробностями и определениями, подчас настолько важными, что ими значительно изменялась в ту или другую сторону суровость выраженного в помете приговора.[4])

В связи с вершеньем дела необходимо остановиться на вопросе о помиловании по политическим преступлениям. Помилованье исходило лично от государя и бывало не только последующим актом в ответ на челобитье осужденного, но и составной частью первоначального приговора.[5]) Весьма характерно, что Уложение вообще упоминает о помилованьи только применительно к политическим преступленьям. О помиловании говорят две статьи: II, 11 и XX, 33. Обе оне относятся к помилованию изменника, который отъедет в иное государство. будет за то осужден и после того из того государства и из измены воротится.[6]) Первая из указанных статей предписывает, что возстановление помилованного изменника в правах на конфискованное имущество может простираться на его прежние вотчины, но не должно простираться на отнятые у него поместья (II, 11). Вторая из указанных статей добавляет еще одно ограниченье: не восстанавливаются права помило-

---

[1]) **Там-же**, стрн. 304.
[2]) **Там-же**, стрн. 311—313.
[3]) **Там-же**, стрн. 232 -233.
[4]) **Там-же**, стрн. 309—310.
[5]) **Там-же**, стрн. 298.
[6]) См. **там-же**, стрн. 54 и 88—89.

ванного на его прежних холопов, которым при его осуждении по государеву указу и боярскому приговору дана была воля (XX, 33). Во втором ограничении проявилось стремление государственной власти к охране законно приобретенного status libertatis, благодаря чему законно приобретенные права частных лиц оказались пределом для актов государственной власти. Само собою разумеется, что принцип этот действовал в Московском государстве не в виде общего правила, а в тех частных его проявлениях, которые предусматривались и оговаривались в законе.[1]) Первое ограничение вызвано, по всей вероятности, соображеньями публичноправового характера,—о недопустимости восстановления поместного оклада за тем, кто все же на службе изменил, хотя потом и раскаялся и был помилован.[2]) Надлежит обратить вниманье на те выраженья, в которых формулировано ограниченье, проводимое в ст. 11-ой II главы: „въ вотчинахъ его (помилованного изменника) Государь воленъ. А прежнихъ помѣстей ему не отдавать". Значит, в поместьях государь—не волен. Хотя это прямо не сказано, но в качестве вывода неизбежно, как это ни необычайно для ходячих представлений о московском государственном строе.

Подводя итоги всему сказанному о материальной и процессуальной постановке вопроса о политических преступлениях в Уложении царя Алексея Михайловича, считаем полезными для наглядности дать перечень тех гарантий, которые при этом установлены в Уложении для личности подсудимого.

Гарантии эти следующие: 1) определение круга и состава политических преступлений, как стремленье к осуществлению в области великих государевых дел принципа nullum crimen sine lege; от которого впрочем имеется важное отступление в умолчании о непристойных и непригожих словах на государя; 2) признание принципа индивидуальной ответственности за политические преступления, проявившееся однако весьма своеобразно в виду установленной законом презумпции виновности членов семьи и рода в „вѣдѣніи" и возложения на подо-

---

[1]) См. Ул. XVII, 38—40 и о них у нас выше стрн. 18—19. Противоположное тому начало устранения приобретенных прав третьих лиц ради интересов государевой службы проявилось в ст. XVI, 69.

[2]) За лицами, сбежавшими с государевой службы, но без отъезда в иное государство и без измены, поместья восстанавливались (XVI, 69). А про раскаявшегося изменника сказано: „и ему помѣстья дослуживатися вновь" (II, 11).

зреваемых oneris probandi отрицательного факта; 3) обезпечение личности, подлежавшей привлечению к великому государеву делу и по бездоказательному извету, определением наказания за недобросовестный ложный извет; 4) сыск и очная ставка, как основная судебная гарантия неприкосновенности личности для обвиняемого в великом государевом деле, равно для членов его семьи и родственнико;[1]) 5) возможность опровержения „оттиски" воевод о прихождении к ним „скопомъ и заговоромъ" путем одного лишь повального обыска, как особая гарантия против произвола административных властей в исходящем от них извете; 6) обезпечение законно приобретенных прав третьих лиц путем соответственного ограничения права помилованья по политическим преступлениям.

Действенность и значение основной судебной гарантии, заключающейся в том, что осуждение и наказание за политическое преступленье следует лишь после очной ставки обвиняемого с изветчиком и после исчерпывающего сыска по делу „противъ извѣту", умаляется и почти отменяется в самом тексте II главы Уложения ея 12-ой статьей. Статья эта гласит: „А будет кто на кого учнетъ извѣщать великое Государево дело, а свидѣтелей на тотъ свой извѣтъ никого не поставитъ, и ни чимъ не уличитъ, и сыскать про такое Государево великое дѣло будетъ нѣчимъ, и про такое великое дѣло указъ чинить по разсмотренію, какъ Государь укажетъ" (II, 12).

Смысл судебной гарантии заключается не в том, чтобы осуждение обвиняемого следовало за очной ставкой и сыском только, так сказать, хронологически, а в том, чтобы оно основывалось на них и вытекало из них как логический вывод из предпосылки. Так понимает дело и ст. 16-ая II главы, которая предписывает не только „поставить (обвиняемого) съ извѣтчикомъ с очей на очи, и противъ извѣту про Государево дѣло и про измѣну сыскивати всякими сыски накрѣпко", но и „по сыску указъ чинить", причем логическое ударенье в последнем предписании явно падает на слова „по сыску". Если сыск докажет виновность подсудимого, он должен быть осужден, если нет, он должен быть оправдан. Таков смысл статьи 16-ой.

---

[1]) О сыске для установления ведения или неведения членов семьи и родственников говорят ст. II, 7—9; см. **Гельберг**, назв. сочин., стрн. 243—244.

Статья II, 12 предусматривает тот случай, когда изветчик сам не уличит обвиняемого, очевидно, на очной ставке и не представит на свой извет ни свидетелей, ни каких либо других доказательств, так что „сыскати про такое Государево великое дѣло будетъ нѣчимъ“. В таком случае единственно возможным „по сыску указом“ был бы указ об оправдании подсудимого. Но статья II, 12 такой именно исход отклоняет и заменяет указ по сыску указом „по разсмотренію, какъ Государь укажетъ“. Таким образом на место сыска ставится „разсмотреніе“, т. е. усмотренье государя, и судебная гарантия отпадает для случаев бездоказательного извета, который вследствие этого становится особенной угрозой для неприкосновенности личности.

Весьма характерно, что ст. II, 12 из отсутствия доказательств со стороны изветчика делает вывод о невозможности сыска, говорит. что „сыскать про такое Государево великое дѣло будетъ нѣчимъ“. Такое утверждение само по себе неправильно, ибо в Московском государстве всегда было чем сыскать, именно,—повальным обыском, и такой именно путь предоставлялся законом как раз „оговорному человѣку“, которого оговаривали и за очи, и на очной ставке (Улож. XXI, 35). Но, что́ предоставлялось оговорному человеку в делах разбойных и татебных, того, очевидно, не хотели допустить в великом государевом деле. Поэтому утверждение статьи II, 12, что при отсутствии доказательств со стороны изветчика сыскать будет нечем, не представляет собою констатирования факта, но, строго говоря, содержит в себе запрещение сыскивать по челобитью обвиняемого повальным обыском. Так как. челобитья подсудимых о повальном обыске удовлетворялись в делах по обвинению в приходе „скопом и заговором“ к воеводам, то отсюда следует, что повальный обыск по челобитью подсудимого исключался при обвинении в преступлениях против особы государя. Последнее обстоятельство выясняет нам, как круг дел, к которым должна была применяться статья II, 12, так и те мотивы, которыми вызывался институт „указа по разсмотрению“.

Статья II, 12 относилась несомненно только к преступлениям, направленным против особы государя и его державы, предусмотренным в статьях II, 1—3. Установление по этим делам особого института „указа по разсмотрению“ вызвано ис-

ключительно требованьем государева интереса. Ради лучшего обезпечения последнего не решались оправдать человека, ничем и ни в чем не уличенного, и оставляли лазейку неизвестного, неопределенного, но могущего успокоить государя его личного „разсмотрения“. К великим государевым делам оказывалось неприменимым правило unusquisque praesumitur bonus, donec contrarium probetur. Напротив того, предполагать и в голословно оговоренном человеке своему государю „вора“ было, очевидно, спокойнее и надежнее для государственного порядка, как его тогда понимали.

„Указ по разсмотрению“ простирался не только на осуждение, но и на меру наказания. В то время как статья II, 16 предписывает „по сыску указъ учинить, какъ о томъ писано выше сего“, т. е. на основании статей II главы Уложения, статья II, 12 постановляет „указъ учинить по разсмотрѣнію, какъ Государь укажетъ“. Таким образом ст. II, 12 отступает не только от процессуальной гарантии, но и от правила nulla poena sine lege, которое в общем проводится во II главе Уложения.

Предусмотренное статьей II, 12 отступление от принципа nulla poena sine lege могло однако приводить только к менее суровому наказанию, ибо все карательные постановления II главы Уложения знают только смертную казнь и кофискацию имущества. Понижение наказания при решении дела „по разсмотрѣнію, какъ Государь укажетъ“ соответствует, по нашему мненью, общему характеру статьи II, 12. Вся статья проникнута не уголовно-судебной, а полицейской точкой зренья; можно поэтому предполагать, что преследуемая статьей II, 12 цель политической охраны удовлетворялась не высшей, а более низкой степенью наказания. В пользу такого предположенья говорят и указания систематического толкованья, именно—соображенья по поводу места, занимаемого статьей 12-й во II главе.

Статья II, 12 помещается после статей карательных (II, 1—10) и до основной процессуальной статьи (II, 16). Значит, статья II, 12 имеет в виду какое то особое карательное воздействие, специально оговариваемое после общего установления наказаний, и какую то особую расправу, которая предусматривается ранее установления нормального суда и попадает в один отдел с дозволяемой законом саморасправой над

изменником со стороны его частного поимщика (II, 15). Ближайшим образом место, занимаемое статьей 12-й, определяется так: она следует непосредственно за статьей о помиловании (II, 11) и столь же непосредственно предшествует статьям (II, 13—14) о неответственности обвиняемого по бездоказательным изветам особого рода. Отсюда следует, что статья II, 12, по всей вероятности, имеет ввиду не полную меру законной кары, а какое либо меньшее наказание, налагаемое не в воздаяние вины подсудимого, к тому же не доказанной, а по соображениям государственной безопасности, в силу которых государь отступает от начала милости и не жалует подсудимого оправданьем.[1])

Таким образом путем анализа законодательного текста мы приходим к заключению, что „указ по разсмотрению", отступая от принципа nulla poena sine lege, предполагает не назначение наказания, установленного Уложением и налагавшегося „указом по сыску", а пониженное карательное воздействие на лицо, не столько преступное, сколько подозрительное и неблагонадежное. Предположение о том, что „указ по разсмотрению" не был расчитан на применение полной меры законной кары, подтверждается, повидимому, соответственными данными практики политических процессов.[2])

Статья II, 12 не только отступает от принципа nulla poena sine lege, не только отметает сыск, как один из элементов основной судебной гарантии, но и лишает лицо, привлеченное к великому государеву делу по бездоказательному извету, возможности использовать то обеспечение, которое закон ему предоставляет определением наказания за ложный недобросовестный извет. Наказание за ложный извет налагалось на изветчика тогда, когда „сыщется про то допряма, что онъ такое дѣло затеялъ на кого напрасно" (II, 17). Так как в случае, предусматриваемом статьей 12-й, сыск не производился, то у обвиняемого отнималась самая возможность обнаружить напраслину возведенного на него извета. Вследствие этого изветчик,

---

[1]) Всякое благоприятное для стороны решение дела государем, хотя бы оно сводилось к признанию несомненных прав ее по закону или к оправданию по всем правилам закона, рассматривалсь в Московском государстве как милость и жалованье со стороны государя. Недаром и во всех челобитных, даже судебных писали: „смилуйся, Государь, пожалуй".

[2]) См. **Г. Г. Тельберг**, назв. сочин., 32—33.

про которого статья II, 12 говорит, что он „свидѣтелей на тотъ свой извѣтъ не поставитъ, и ни чимъ не уличитъ, и сыскать про такое Государево великое дѣло будетъ нѣчимъ“, то-есть выражаясь словами статьи II, 17-й, изветчик, который „на кого доводилъ Государево великое дѣло... а не довелъ“, не только оставался по статье II, 12 безнаказанным, но и не подвергался даже соответственному розыску по вопросу о напраслине извета. Зато, как мы уже знаем, наказывался по усмотрению государя ничем не уличенный оговорный человек, лишенный при этом права слаться на повальный обыск. Такие то отступления делала Московская государственная власть в самом законе от ею же установлевных общих правовых принципов и гарантий, раз только возникала мысль, что так будет лучше и надежнее для государственной и государевой безопасности.

Статья II, 12 содержит в себе столь большую и страшную угрозу для неприкосновенности личности, что Уложение считает нужным сделать изъятия из ея приложения и указать случаи, в которых она не должна применяться. Изъятия эти установлены в двух статьях, непосредственно следующих за статьей II, 12. „А будетъ учнутъ извѣщати про Государское здоровье или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ во крестьянѣхъ, а въ томъ дѣлѣ ничѣмъ ихъ не уличатъ, и тому ихъ извѣту не вѣрить. И учиня имъ жестокое наказаніе бивъ кнутомъ нещадно, отдати тѣмъ, чьи они люди и крестьяне“ (II, 13). „А которые всякихъ чиновъ люди учнутъ за собою сказывать государево дѣло или слово, а послѣ того они же учнутъ говорить, что за ними государева дѣла или слова нѣтъ, а сказывали они за собою государево дѣло или слово избывая отъ кого побои, или пьянымъ обычаем, и ихъ за то бить кнутомъ, и бивъ кнутомъ отдать тому чей онъ человѣкъ“ (II, 14). Первая из приведенных статей прямо говорит; „тому их извету не верить“ и этим явно исключает применение к делу „указа по разсмотрению“.[1]) Во второй из них нет прямого предписания „извету не верить“. Тем не менее из сопоставления содержания обеих статей и из места, занимаемого ими непосредственно вслед за статьей II. 12 и перед статьей II, 15, посвященной уже другому вопросу, явно следует, что обе статьи одинаково составляют изъятие из действия статьи II, 12.

---

[1]) **Там-же**, стрн. 33 и 156—157.

Статья II, 13 исключает из действия статьи II, 12 бездоказательные изветы холопов и крестьян, которые, как люди подневольные и независимые, всегда могли иметь основанье и повод для сведения путем извета личных счетов со своими хозяевами и господами. Бездоказательные изветы были заманчивы для холопов и крестьян уже одним тем, что они давали возможность освободиться от чрезмерной и невыносимой суровости „государя“ и „боярина“ хотябы на краткое время „распросовъ“,[1]) покуда не обнаружится, что изветчики своих „государей“ и „бояр“ ничем уличить не в состоянии.[2]) Еслибы к бездоказательным изветам холопов и крестьян на их господ применялась статья II, 12, то это окрыляло бы изветчиков-холопов надеждой на волю (Улож., XX, 33), а изветчиков-крестьян надеждой на перемену личности землевладельца. Положение рабовладельцев и обладателей населенных земель было бы при таких условиях невыносимым: над личностью их висел бы Дамоклов меч „указа по разсмотрению“ на основании бездоказательных холопьих и крестьянских изветов, каковым затейным делам и конца бы не было. Государственная власть учла эту печальную возможность, узаконила, чтобы „тому ихъ извѣту не вѣрить“ (II, 13), и таким образом в видах ограждения интересов рабовладельцев, вотчинников и помещиков отказалась от преследования в подобных случаях своих полицейских целей политической охраны.

Налагая наказание на тех, которые „сказывали... за собое государево дѣло или слово избывая отъ кого побои, или пьянымъ обычаемъ“, статья II, 14 завершает изложение уголовной санкции распоряжением: „и бивъ кнутомъ отдать тому чей онъ человѣкъ“. Эти заключительные слова могут дать повод к предположению, что вся статья, имеет в виду бездоказательный извет холопа.[3]) Такое предположение может поддерживаться, пожалуй, и тем, что в качестве мотива, побудившего

---

[1]) О распросе изветчика см. **Г. Г. Тельберг**, назв. сочин., стрн. 179-185.

[2]) Такую именно своеобразную форму самозащиты угнетенной личности путем извета Н. Я. Новомбергский усматривает в целом ряде процессов о государевом слове и деле и квалифицирует ее как своеобразный бытовой институт борьбы с социальным безправьем, как „своеобразное обезпечение законности внутреннего управления и даже самую важную гарантию личности“.—См. **Н. Я. Новомбергский**. Слово и дело государево, том II, Томск, 1909 г. стрн. I-II.

[3]) **Г. Г. Тельберг**, назв. сочин., стрн. 155.

к бездоказательному извету, упоминается избыванье побоев. „Избывать" значит, повидимому, избегать того, что бывает часто и, так сказать, систематически. Кто же иной, как не холоп, находился в таком длящемся состоянии подверженности систематическим побоям? Однако подобное ограничение статьи II, 14 по субъектам извета не может быть принято, так как начало статьи гласит: „а которые всякихъ чиновъ люди учнутъ" и таким образом прямо указывает, что действие статьи рассчитано на все слои населения, как несвободные, так и свободные.[1]) Заключительное распоряжение об отдаче „человека" его „государю" сделано на случай, если виновным окажется холоп, но это не значит, чтобы вся статья предусматривала соответственную вину только для холопов. На практике холопи могли много чаще других попадаться в таком деле. Но то, что бывает чаще всего, все же не исчерпывает собою всей области однородных явлений. Страдать от побоев, расточавшихся, так сказать, за обычай, могли не только холопы, но и крестьяне, и ответчики, выданные истцам с правежа головой до искупа, [2]) и подручные в отношениях с хозяевами, ученики в отношениях с мастерами, и всякие мелкие и подначальные людьми в их отношениях с людьми большими и начальствующими. Все они, чтобы избыть побоев, могли затеять бездоказательный извет в государевом деле и слова. Что же касается „пьяного обычая", то его, само собою разумеется, никак нельзя ограничивать одними холопами. Все эти возможности учтены законодателем, и потому статья II, 14 в своей диспозитивной части указывает на „всяких чинов людей". Так понимала дело и судебная практика и применяла статью II, 14 как к несвободным, так и ко всякого чину свободным людям.[3])

Не смотря на установленные изъятья (ст. II, 13—14), статья II, 12 все же подрывала законные гарантии неприкосновенности личности в политических процессах самым существенным образом. Не менее, но даже еще и более существенный подрыв тем же гарантиям делает дозволенная в Уложении частная саморасправа с изменником (II, 15). Лицу, погнав-

---

[1]) **Там-же**, стрн. 155.

[2]) Недаром Уложение предписывает: „А кому они выданы будутъ, и по тѣхъ взяти цоруки съ записью, что ихъ не убити, ни изувѣчити" (X, 266).

[3]) См. **Г. Г. Тельберг**, назв. сочин., 155.

шемуся за убегавшим изменником, дозволяется этого изменника, „догнав на дороге", убить. Под изменником надлежит в данном случае разуметь, как правильно разъясняет Г. Г. Тельберг, „не только преступника уже осужденного, но и человека, против которого возникает основательное подозрение в его виновности". Все это объясняется соображениями государственного интереса, который вообще в Московском государстве подавлял права частных лиц, а в данном случае требовал обезвреженья, во что бы то ни стало, человека, опасного для государства и стремящегося ускользнуть от воздействия со стороны государственной власти. В деле обезврежения изменника увлеченье законодателя государственным интересом заходит столь далеко, что безнаказанность убийства изменника частным поимщиком не обставлена в статье II, 15 никакими требованьями доказательства того, что убийство учинено при предусмотренной законом обстановке. Составители Уложения в данном случае не только не последовали образцу, который имелся у них в Литовском Статуте (Статут 1588 г, розд. I, арт. 7), но и не сочли нужным предъявить к убийству изменника тех требований, которые сами они узаконили для убийства татя с поличным (XXI, 88).[1]) Нет поэтому в статье II, 15 никакого наказания поимщику в случае неправомерности учиненного им убийства изменника, но зато предписывается дать поимщику изменника государево жалованье из изменничьих животов, что государь укажет.

Так как установленные Уложением кары за великие государевы дела обнимали собою не только личное наказание, но и конфискацию имущества, то подрыв законных гарантий, делаемый статьями II, 12 и II, 15, не ограничивался областью неприкосновенности личности, но простирался и на безповоротность поместного и на неподвижность вотчинного землевладения.

Не смотря однако на отступления, узаконенные в статьях II, 12 и II, 15, известные гарантии неприкосновенности личности в политических процессах все же прямо признавались Уложением. Само собою разумеется, что к ним должны быть применены все же оговорки с точки зрения их юридической

---

[1]) См. **там-же**, стрн. 47—48.

ценности и практического осуществления, которые сделаны нами выше по поводу гарантий безповоротности и неподвижности вотчинного землевладения.[1])

Особенностью признанных в Уложении гарантий личной неприкосновенности, формально отличающей их от таковых же гарантий имущественной неприкосновенности, является их всесословность. В то время как гарантии имущественной неприкосновенности предоставляются только служилому землевладению, обезпечение личности в области ответственности по великим государевым делам не направлено прямо на какое либо сословье, а установлено Уложением в общих выраженьях, образцом чего может служить статья II, 16, предусматривающая общий случай, когда „**кто на кого** учнетъ извѣщати Государево великое дѣло или измѣну". Из такой общей формулировки вытекает всесословность признанных во II главе Уложения гарантий личной неприкосновенности.

По своему происхождению всесословность гарантий личности в сфере ответственности по политическим преступлениям восходит к ограничительной записи царя Василия Ивановича Шуйского. Несмотря на генетическую связь, телеологическое объяснение этой всесословности должно быть дано для записи царя Василия Ивановича и для Уложения царя Алексея Михайловича разное.

Ограничительной записи царя Василия Ивановича Шуйского ставилось прямой целью обезпечить всем сословиям равную и одинаковую судебную гарантию неприкосновенности личности. Во имя этой цели избранный царь „поволилъ... цѣловати крестъ на томъ, что... великому Государю всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ нимъ въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хотя которой по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимати, будетъ они съ нимъ въ той винѣ не-

---

[1]) См. у нас выше стрн. 19—22.—Г. Г. Тельберг приводит, например, данные судебной практики о том, что наказание недобросовестного ложного изветчика уменьшалось в отступленье от статьи II. 17 (**назв. сочин.**, стрн. 154), и что, вопреки полному молчанию Уложения по вопросу о награжденнии изветчика, изветчики награждались (**там-же**, стрн. 159—162).

винны". Специальное упоминанье о гостях, торговых и черных людях устраняет возможность истолкованья „всякого человека", применительно к которому говорится о вотчинах, в узком смысле человека служилого.

Уложение регламентирует политические преступления с точки зрения государственного интереса. Прямая цель его заключается в обезпечении путем уголовной репрессии безопасности государства и государя. Поэтому соответственные определения его расчитаны на всякого, кто бы ни посягнул на эту безопасность. Отсюда—общая, вне сословных различий, формулировка карательных статей (II, 1—4) и общее для всяких чинов людей Московского государства установление обязательности извета в государевом деле (II, 18). Отсюда же—и общая для всего населения формулировка основной судебной (II, 16) и некоторых других гарантий (II, 17). Всесословность этих гарантий является в Уложении не непосредственной целью, а производным следствием законодательной регламентации, перед которой в качестве ratio legis стоял интерес государственный. Поэтому II глава пользуется в определении субъекта преступления всегда общей формулой („кто") и только в одном случае указывает на „служилых, или иных на каких людей" (II, 22). Но обычного при пожаловании или признании всякого рода прав перечисления всех „чинов" во II главе не встречается нигде.

Проводя формально всесословность, II глава Уложения по существу однако считается главным образом с положением служилых людей. Так, вслед за постановлением о неответственности жен и детей изменника, не ведавших про его измену, статья II, 7 говорит: „а на прожиток изъ вотчинъ и изъ помѣстей имъ, что Государь пожалуетъ". Предписанье это явно расчитано на обиход служилых людей. Предмет конфискации определяется как „помѣстья, вотчины и животы" (II, 5), т. е. по составу имущества служилого человека. Крестьянское имущество могло бы подойти в этом определении под „животы", а в иных случаях для черноволостных крестьян и под „вотчины". Но о дворах, составляющих основное имущество посадских, II глава Уложения молчит, между тем их никак нельзя подвести ни под поместья, ни под вотчины, ни под животы. Мы не сомневаемся в том, что дворы, какъ и лавки, и амбары и животы посадских людей в случае их измены,

имались у них на государя,[1]) но считаем весьма характерным то обстоятельство, что при определении предмета конфискации за политические преступления дворы не упомянуты expressim. Подобно тому, как при конфискации за разбой Уложение говорит только о „животах“ (XXI, 26), потому что имеет в виду тип бездомного разбойника с большой дороги, а при конфискации за держанье табаку и табачную торговлю упоминает „дворы и животы“ (XXV, 11), потому что считается с бытом посадского торгового человека, точно также при определении предмета конфискации за политические преступления Уложение останавливается на составе имущества служилого человека, так как считается при этих преступлениях главным образом с служилым сословием.[2]) Несомненно, что на служилое сословье расчитаны в первую голову и те гарантии личной неприкосновенности, которые признаны законом во II главе Уложения Особенное вниманье к интересам служилого сословья сказывается и в обещании ни в чем неповинным жене и детям изменника „на прожитокъ изъ вотчинъ и изъ помѣстей имъ, что Государь пожалуетъ“ (II, 7), и в предписании на случай поми-

---

[1]) Ссылаясь на судебную практику и на статью 3-ью XXV главы Уложения, свидетельствующие о том, что посадские дворы были предметом конфискации, Г. Г. Тельберг видит в этом отступленье от признанного в Уложении общинного права на участки посадской земли и специальное нарушенье статьи XIX, 39, (см. **назв. сочин.**, стрн. 270—271 и примеч. 111-е на стрн. 336—337). По нашему крайнему разумению, здесь нет ни отступленья, ни нарушенья. Посадская земля была не только общинной, но и государевой, как она прямо и названа в статье 7-й XIX главы, но и это ничуть не мешало конфискации посадских дворов, как не препятствовало конфискации поместий то, что поместные земли тоже были государевы. Конфискованные поместья обращались в раздачу, а об участи конфискуемого имущества посадских Уложение содержит следующее предписанье: „дворы их и животы имая продавать и деньги имать в Государеву казну“ (XXV, 11). Конечно при этом посадские дворы продавались, согласно статье XIX, 39 и применительно к статье XIX, 16, государевым тяглым людям.

[2]) Только этим можно объяснить умолчанье статьи II, 5 о посадских дворах, а никак не желаньем государственной власти признать во II главе Уложения право общин на конфискуемые посадские дворы, как объясняет дело Г. Г. Тельберг (**назв. сочин.**, стрн. 270).—Н. Д. Сергеевский при определении предмета общей конфискации соединяет постановления всех соответственных статей Уложения (II, 5, 9; XXI, 26; XXXV, 3, 11), но не подчеркивает своеобразия отдельных постановлений и, повидимому, не замечает его. См. **Н. Д. Сергеевский**, Наказанье в русском праве XVII века, СПБ., 1887 г., стрн. 259.

лованья изменника „прежнихъ его помѣстей ему не отдавать“ (II, 11), и в специальной защите служилых людей от бездоказательных изветов их холопов и крестьян (II, 13)

Гарантии неприкосновенности личности, признанные во II главе Уложения, по своему первоначальному происхождению восходят к Смутному времени. Основная правовая идея этих гарантий взята из ограничительной записи царя Василия Ивановича Шуйского, но проведена она в Уложении царя Алексея Михайловича в гораздо более слабой степени. Первоначальная сила юридических гарантий личной неприкосновенности умалилась к половине XVII века настолько, насколько возросла к тому времени самодержавная власть государя. Что же побудило государственную власть внести во II главу Уложения эти гарантии личной неприкосновенности, гарантии хоть и умаленные и урезанные, но все же признанные? Побудило, если даже не вынудило, к тому государственную власть то общественное движенье, которое проявилось довольно резко в июньском бунте 1648 года и чрез июльский собор повело к составлению Уложения и к внесению его на рассмотренье октябрьского собора.

VI.

Заканчивая разбор данных Уложения о безповоротности и неподвижности служилого землевладения, а также о том обезпечении личности, которое предоставлялось по Уложению обвинявшимся в политических преступлениях, мы можем сказать, что Уложение царя Алексея Михайловича содержит в себе некоторое, соответствующее условиям места и времени, признанье государственной властью начала неприкосновенности личности и частной собственности. Такое признанье, как бы узко оно ни формулировалось и как бы шатко оно ни проводилось, все же знаменует собою известное самоограниченье государственной власти во имя законных прав частных лиц. Закон, выражающий такое самоограниченье государственной власти, является по существу основным законом. Поэтому в Уложении царя Алексея Михайловича надлежит признать наличность некоторых элементов основных законов. Конечно основной закон надлежит при этом разуметь в самом элементарном понимании технического смысла этого слова, ибо эле-

ментарны те правовые воззренья, под углом которых составлено все Уложение. Можно с полным основаньем повторить те, относящиеся к Уложению слова, которые встречаются в одной составленной в 1801 году записке о Сенате и государственном устройстве России. „Уложение царя Алексея Михайловича", говорит неизвестный автор записки, „почитаемое здесь родом коренного закона, было сделано, так сказать, для народа, который собирался в домы и города после неустройств и раззорений Россиею претерпенных междоусобиями, последовавшими в России по пресечении Рюрикова потомства и по выборе на престол царя Михаила Феодоровича".[1])

Предмет основных законов не исчерпывается признаньем пределов для воздействия государства на права частных лиц, но обнимает собою все строенье верховной власти и пространство ея действия в различных направлениях. Эта вторая сторона предмета основных законов является даже по существу первой, а в неограниченных монархиях она наполняет все содержанье основных законов. Уложение царя Алексея Михайловича заключает в себе не мало данных по вопросу о строении верховной государственной власти и пространстве ея действия в других, кроме отношения к личным и имущественным правам частных лиц, направленьях. Особенно характерны и знаменательны постановления Уложения об отношении государства к церкви. Но все эти материи требуют особого исследования и обсуждения. Полагаем однако, что и сказанного по вопросу об обезпечении личной и имущественной неприкосновенности достаточно для того, чтобы признать в Уложении царя Алексея Михайловича памятник не только обыкновенного, но и основного, или политического законодательства Московского государства.

---

[1]) **Архив кн. Воронцова**, книга XII, Москва, 1877 г., стрн. 460.— Г. Г. Тельберг ссылается на указанное место, цитируя из него только выраженье „род коренного закона" (**назв. сочин.**, стрн. 9). Сам Г. Г. Тельберг подчеркивает, что Уложение не было основным законом, формально связывавшим государеву власть (**там-же**, стрн. 27), но все же не отказывает Уложению в названьи „в некотором смысле основного закона" (стрн. 37).

К истории политического строя удельной Руси.

Еще в 1926 году в издании „Института истории“ вышла работа проф. С. Б. Веселовского: „К вопросу о происхождении вотчинного режима“ (Росс. Ассоциация научно-исследоват. институтов обществ. наук). Это—первое монографическое исследование по данному вопросу, который затрагивался и обсуждался в связи с другими, но никем до сих пор не был подвергнут специальному изучению. Предмет своего монографического исследования автор определяет как „тот строй отношений, который принято называть сеньериальным или вотчинным режимом“ (3). Целокупная вотчинная власть обнимала собою и право суда в тесном смысле слова, и право управленья, с ним неразлучного и почти отождествляемого, и финансовые полномочия вотчинника на взимание разных пошлин и поборов с населения, и наконец, право вотчинника поднимать и во всяком случае вести под своей командой воинов из среды населения вотчины. Это последнее право было весьма существенно с точки зрения общего политического строя, ибо оно означало разрыв со старой системой земской рати и переход к новой системе сословно-иерархической вотчинной организации вооруженных сил страны. Эту последнюю войсковую сторону вотчинной власти автор не вводит в круг своего исследования, который обнимает судебную и финансовую стороны института. Приступая к исследованию, автор подчеркивает его важное, к сожалению, до сих пор упускавшееся из виду, значение, заключающееся в том, что вотчинный режим „и в Западной Европе и в Русской истории образует основу, на которой развивались крепостные отношения“ (3). Но в дальнейшем изложении значение вотчинного режима выступает еще и в более широком масштабе, именно,— разъясняется значение его и оберегающего его иммунитета как основы всего политического уклада удельной Руси (см. 46—47, 83—84, 103).

Автор исследует происхождение вотчинной власти с момента ея первоначального зарождения вплоть до окончательного ее утверждения в качестве института, который, сложившись вполне, вошел интегральной частью в состав государственного строя на многие века. Подобно Неволину автор не связывает первоначального происхождения вотчинной власти с жалованьем иммунитетных грамот. Но, в то время как Неволин ограничивался общим замечанием, что вотчинный судебно-административный строй в древнейшее время существовал сам собою и по общему правилу, автор доискивается корней, или как он сам выражается, предпосылок судебного иммунитета в определенных правовых институтах древности. Это—институты рабства и закупничества эпохи Русской Правды, которые содержали в себе и право суда господина над рабом и закупом (8—13). Эта судебная власть вытекала из личных отношений господина к рабам и зависимым людям, независимо от того, был ли господин землевладельцем или нет (8).[1]) Но поскольку господин был одновременно и землевладельцем, его судебная власть являлась предпосылкой происхождения судебного иммунитета землевладельцев.[2]) Продолжение старых институтов Русской Правды и звено, связующее личный суд господина с последующим вотчинным судом землевладельца, автор находит в серебреничестве XIV—XV вв. и особенно в закладничестве (14—22), которое не создавало вотчинного суда, уже установленного в иммунитетных пожалованьях, но старалось использовать его на юридической основе прежней личной зависимости, прежних личных защитных отношений (22).

В личных отношениях зависимости и защиты зародился личный суд господина над подневольными и зависимыми

---

[1]) Такое же зарождение вотчинного суда в „частной власти... господина и землевладельца", как домовладыки, устанавливает **М. Ф. Владимирский-Буданов** (Обзор истории русского права, изд. 4-ое, 1905 г., с. 630.—Сам С. Б. Веселовский в одном месте своего труда заявляет, что его взгляд на жалованные грамоты не новость (99). Мы приводим прецедент Владимирского-Буданова по вопросу о зарождении вотчинного суда до жалованных грамот потому, что по этому вопросу автор не говорит, новость ли его взгляд или не новость. Прецедент тем более яркий, что он дан в систематическом курсе истории русского права.

[2]) В последнее время Н. А. Максимейко говорит о домениальной, или вотчинной юрисдикции над смердами эпохи Русской Правды. См. **Микола Максимейке**, Про смердів Руської Правди, **праці комісії для внучавання історії західньо—руського та вкраіньского права**, выпуск III, изд. Украинской Академии Наук, Киев, 1927, с. 59—82, особенно 73 и 73.

людьми; для того, чтобы он переродился в вотчинный суд в тесном смысле этого слова, необходим был еще некоторый дополнительный процесс,[1]) который бы перенес указанную взаимозависимость с лиц на землю,—путемъ закрепления за землевладельцем права суда и управления и установления для осевших и пребывающих на его земле людей вотчинной юрисдикции. Этот, по мысли автора, неизбежный промежуточный и перерождающий природу института процесс совершился, по мнению автора, в двух различных формах, приуроченных к различным территориям и к своеобразию возникшим на них политическим образованимя. В Новгородской земле, где власть князя была ограничена и колонизация совершалась в порядке самодеятельности бояр, вотчинный суд в боярщинах был создан самою жизнью, в процессе обычно правового развития,—„старины“; государство—Великий Новгород—его не жаловало, а, вероятно, только санкционировало (27—29). Во всей же остальной северо-восточной удельной Руси, где самое землевладение складывалось под сильнейшим влиянием князей, вотчинная власть в боярщинах могла проистекать только из княжеских пожалований (31,—27). В пользу приведенного различия говорит отсутствие иммунитетных пожалований от имени Великого Новгорода. Но на этот несомненный факт отрицательного характера автор не ссылается, а приводит положительные доказательства выдвигаемого им тезиса, согласно которому новгородские бояре „усваивали те же державные права суда и дани, которые въ удельной Руси принадлежали только князьям“ (28). В качестве доказательств приводятся две иммунитетные грамоты, пожалованные в 1452 и 1470 г. боярами Своеземцевыми монастырю (28—29). Но такие же державные черты автор в дальнейшем отмечает в иммунитетных пожалованиях, исходивших от крупных вотчинников удельной Руси и даже Московского государства. Автор дает даже общую характеристику таких пожалований. „Спускаясь по социальной

[1]) Сравни у Владимирского-Буданова: „что касается до права вотчинного суда в собственном смысле, т. е. суда над свободным населением частных имений, то оно не может быть столь же естественно выводимо из власти домовладыки. Источники первого периода молчат о таком суде. Думаем, что он мог образоваться только путем пожалованья со стороны государства, которое впоследствии было менее щедро в Москве, чем в Литве, где право суда над крестьянами обратилось из привилегии в общий закон“ (Обзор, изд. 4-ое. с. 630).

лестнице вниз, мы видим, что крупные землевладельцы—вотчинники тоже употребляли в своих владениях иммунитетныя пожалования, toute proportion gardée, в тех же формах и с теми же целями, как князья в своих уделах" (84). Таковы грамоты боярина кн. Ф. Мих. Мстиславского 1533 и 1538 г.г. (62, 84—85) и обычный тип иммунитетных жалованных грамот митрополичьих, патриарших и владычных (85—89). Делая эти сопоставления из различных мест изследованья автора, мы отнюдь не собираемся отрицать выдвигаемое им своеобразие в образовании вотчинного суда в Великом Новгороде. Мы хотели бы только заметить, что после приведенной гипотезы автора относительно Великого Новгорода, вряд ли может сохранить свою полную силу выставленный автором против Неволина и Павлова-Сильванского тезис, согласно которому „выводить право суда над свободными людьми из землевладельческих прав или из обычного права... нет никаких оснований" (26, сравн. 6). Ведь для Великого Новгорода такие основания нашлись у самого автора.

В дальнейшем центре тяжести исследование автора переносится в иммунитетные пожалования князей Эти пожалования вносят новый юридический принцип, в силу которого старый суд господский (от „господина" Русской Правды) претворяется в вотчинный суд. Но и в этой реформаторской новине имеются следы, и быть может следовало бы сказать, корни седой старины. Эти следы или корни, эту генетическую связь между строем личных отношений и строем отношений патриманиальных автор находит в том постановлении несудимых грамот, которое в порядке канцелярской стилизации стоит на последнем месте, но в порядке генетического объяснения должно быть поставлено на первое место. Это—постановление об исключительной подсудности самого грамотчика непосредственному суду князя (22—26). Это постановление генетически выводится автором из правильно, по нашему крайнему разумению, предполагаемой им исключительной подсудности князю его дружинников и слуг.[1]) В установлении этой генетической связи между старым и новым проявилась тща-

---

[1]) Из постановления Русской Правды о незаконной муке огнищанина, тивуна и мечетка (Ак. 32, Кар. 90) Н. А. Максимейко выводит „вотчинную" юрисдикцию князя над „дворовыми слугами".—op. cit., стрн. 73.

тельная наблюдательность автора, и отмечен факт, уясняющий многое в общем конститутивном значении иммунитета.

Приступив к обследованию иммунитетных грамот, автор рассматривает их во всем объеме, т. е. не только судебные, но и податные, причем с последних даже начинает обследование. Для конституирования вотчинной власти важны в тарханных грамотах три следующие момента: 1) освобождение грамотчика относительно оставшегося на нем государственного тягла, позднее превратившегося в особое белое тягло, от въезда всякого рода данщиков, от мирской раскладки, круговой поруки и мирских поборов черных тяглецов (32—33); 2) освобождение грамотчика от поборов и повинностей частноправового происхождения, что обезпечивало вотчине хозяйственную самостоятельность (35—37); и 3) освобождение грамотчика от пошлин, торговых и некоторых других поборов, часть которых постепенно перешла в пользу грамотчика, что создало финансовые полномочия вотчинной власти (37—42). Затем автор дает мастерской историко-юридический анализ несудимых грамот (43—58, 66—72) преимущественно служилого землевладения, иммунитет которого является главной темой исследования автора (8). „Судебные и податные привилегии иерархов церкви и монастырей так хорошо известны", замечает автор, „что говорить о них нет надобности. Без преувеличения и не в шутку можно сказать, что монастырь, не имеющий тарханной и несудимой грамоты, на взгляд людей удельной Руси и Московского государства, был бы такой же нелепостью, как в настоящее время акционерное общество без устава" (59). Поэтому в сфере церковного землевладения автор останавливается только на менее известных явлениях иммунитета соборных, ружных и приходских церквей (59—65), причем полагает, что иммунитет соборных церквей был общим правилом, а иммунитет приходских—частым явленнем (65), и проницательно отмечает попутно двойственную природу попов на черноволостном севере, где они совмещали в своем лице служителей алтаря и пионеров по разработке диких земель, чему соответствовала и двойственность оснований для жалованья им иммунитета (65). Тщательный анализ приводит автора к выводу, согласно которому „мнение, что несудимые грамоты получали знатнейшие или крупнейшие вотчинники, следует совершенно оставить. Тарханные и несудимые гра-

моты получали служилые люди всех чинов и разрядов, начиная с бояр и до мелких детей боярских и низших чинов княжеского двора“ (67), причем получали их как на вотчины свои, так и на служние земли и последующие поместья (67). Общую картину иммунитетного землевладения автор восполняет изображением иммунитетных пожалований со стороны самих грамотчиков.—служилых князей, владык, митрополитов и патриархов,—их служилым и подвластным им людям (84—89) и этим замыкает иерархическую цепь иммунитетного землевладения и вотчинно-политического строя.

Оказывается однако, что иммунитетныя пожалования не ограничивялись вотчинным и поместным землевладением, но простирались и на тяглых людей, когда по тем или другим причинам приходилось изымать отдельные их группы из общего тягла, мирской раскладки и круговой поруки черных миров. На основе таких пожалований возникли „слободы“ еще в удельной Руси и продолжали существовать и возникать и в Московском государстве. Причиною, побуждавшей к учреждению слобод, являлось, с одной стороны, стремление к поощрению в среде тяглых людей колонизаторства и пионерства землевладельческой культуры и связанных с землей промыслов, и, с другой стороны, стремление к образованию и обезпечению служилых людей низших специальных служб. Первое стремление преобладало в удельной Руси, второе – в Московском государстве, что вызывало различие господствующего типа слобод в том и в другом периоде. Насколько нам известно, С. Б. Веселовский первый в литературе устанавливает, что юридическим основанием возникновения слобод являлись иммунитетныя пожалования, по существу однородные (73) с такими же пожалованиями церковному и служилому землевладению (73–84). Интересно и важно отметить, что слободские грамоты колонизационного (не служилого) типа выдавались отдельным тяглым людям, которые уполномочивались „копить слободу на государя“ (76; „грамота слободская—копити ему на великаго князя слободу,—с. 77), т. е. созывать людей и селить их на определенном участке для занятия определенным вспомогательным при земледелии промыслом. Мы знаем, что С. Б. Веселовский не жалует „такъ наз. сравнительнаго метода“ и не прочь поиронизировать насчет него (с. 119 прим. 4). Тем не менее не можем удержаться от того, чтобы не срав-

нить „копления слободы“ грамотчиками из тяглецов с т. н. заведением (лат. locatio, польск. lokacja) сел на немецком праве в Польше чрез специально „локационным привилеем“ уполномоченных предпринимателей по колонизации местности или по переводу сел с польского права (с тягла) на немецкое (оброк и самоуправление). Полагаем, что это наше сравнение допустимо не менее, чем сделанное С. Б. Веселовским сравнение оброчного оклада тягла грамотчиков с привилегией taxe d'office при старом порядке во Франции (32). Слободские грамоты вели к установлению известного самоуправления, и среди них можно подметить переходы от иммунитетного пожалования к уставной земской грамоте (80). Установление связи уставных земских грамот с предшествовавшими иммунитетными пожалованьями тяглым людям должно, по мнению автора, привести к более правильной оценке т. н. реформы земского самоуправления в половине XVI века в смысле признания ее не столь резкой и не столь значительной, как это обычно принято думать (73, сравн. 107– 108).

Выяснение существенной однородности иммунитетных пожалований и привелигированным землевладельцам и тяглым людям дает автору достаточное основание для более широкого определения юридического значения иммунитета в удельной Руси и в Московском государстве. „Иммунитет“, говорить автор, „был в руках князей такой же нормальной формой управления (в широком смысле слова) одной частью своих владений, как управление при помощи кормленщиков, дворских и сотских чернотяглыми людьми было нормальной формой для другой части удела. Управление первой частью было основано на свободе личности, конечно, относительной и только для грамотчиков, и на автономии, а управление другой частью—на началах тягла и судебной, административной и хозяйственной зависимости. Поэтому, изгляд на иммунитет как на исключительную милость князей мне представляется очень поверхностным и неправильным“ (82—83; тоже с. 102—103).

В качестве нормальной формы управления иммунитет применялся не только к землевладению, но и к деятельности отдельных людей и их групп, поскольку эта деятельность с государственной точки зрения нуждалась в освобождении от другой формы управления—тягловой и требовала для себя

известной свободы и определенной ее защиты. Автор и дает нам изображение такого внеземельного применения иммунитета, и именно судебного иммунитета к торговле, к промыслам,—соляным варницам и рыбным ловлям,—к торговым людям и монастырским приказчикам в пути, наконец, к откупщикам и даже к агентам княжеской власти, посылаемым от двора в другие местности (89—98). Интересно и важно отметить, что может быть установлена связь несудимых грамот этого типа с привилегиями гостинной и суконной сотен (96).

Выяснив первоначальное зарождение и последующее перерождение вотчинного суда под влиянием иммунитетных пожалований, а также государственно-правовую природу общей функции иммунитета, С. Б. Веселовский переходит к завершительному вопросу своего исследования, именно,—к вопросу о прекращении иммунитетных пожалований служилым людям в XVI в. и о государственно-правовом значении этого явления. Здесь он прежде всего документально и доказательно устанавливает, что прекращение выдачи служилым людям тарханных грамот последовало около 1506 г. и несудимых грамот около 1554 г. (66—72), и затем в заключение своего исследования дает ответ на вопрос, что же это прекращение означает (98—112). Ответ автора может быть сжато формулирован так: иммунитетные пожалования прекратились потому, что содержание их постепенно свелось к некоторым общим типическим привилегиям и полномочиям, которые окончательно вошли в состав вотчинной власти, связанной с служилым землевладением. Относительно податного иммунитета это случилось после того как и вследствие того что „были найдены путем практики известные средние нормы тягла, совместимого со службой и с правом частной собственности на землю“ (102), что затем привело „к тому типу **белого** служилого и монастырского **тягла** и землевладения, который мы наблюдаем в XVII веке, как противоположность **черному тяглу** посадов и дворцовых и черных волостей“ (101). Такое же значение имело прекращение несудимых грамот,—их перестали выдавать потому, что проведенный ими в жизнь вотчинный суд стал общим порядком (102—103). Об этом свидетельствует и ст. 64-ая Судебника 1550 г., в которой вотчинный суд изображается несомненно общим правилом и которая поэтому регламентирует только „вопчий“, или сместный суд между

вотчинниками, подчиняя его наместнику, как местной инстанции суда государственного (103—106). Толкование автором ст. 64-ой Судебника 1550 г., в подробности которого входить здесь нет возможности, представляет собою высокий образец тончайшего историко-юридического анализа. Оно основано на выяснении последовательной эволюции института сместного суда (104) и связано с вопросом о своеобразной, еще не изученной, судьбе отмены кормленщиков в уездах служилого землевладения (108—109). Право вотчинного суда вошло в состав привилегированного землевладения и осталось в нем вплоть до отмены крепостного права, как прочная принадлежность внутреннего распорядка вотчины, который законодательство молчаливо санкционировало, но прямо никогда болес не регламентировало (111—112). Уложение 1649 г. коснулось его лишь косвенно, запрещая (Ул. II, 13) принимать жалобы и доносы крестьян на господ за исключение великих государевых дел (112). Автор случайно пропустил еще одно относящееся сюда постановление Уложения 1649 г.—о пределах компетенции вотчинного суда (Ул. XXI, 45, 79—80, сравн. X, 268).

Артор действительно объяснил, что означало прекращение выдачи тарханных и несудимых грамот служилым людям и этим установил в развитии института вотчинного суда внутреннюю генетическую связь, что не удавалось предшественникам автора по теме, у которых по отзыву автора „концы не сходятся с концами“ (7).[1])

---

[1]) Среди этих предшественников автор не упоминает М. Ф. Владимирокого-Буданова, единственного автора, трактующего вопрос о вотчинном суде систематически в общем курсе. И у него решение вопроса о происхождении вотчинного суда страдает большой нелепостью и не чуждо самопротиворечия. „Думаем“, говорит Владимирский-Буданов в отделе о судоустройстве земского периода. „что (вотчинный суд) мог образоваться только путем пожалования со стороны государства, которое впоследствии было менее щедро въ Москве, чем в Литве, где право суда над крестьянами обратилось из привилегии в общий закон“ (**Обзор**, изд. 4-е, с. 630). Выше при анализе и оценке значення несудимых грамот было сказано об иммунитетах: „при огромном количестве пожалований частный закон может обратиться в общий, исключение—в общее правило.... В Московском государстве этого не случилось“ [**ibidem**, 219]. Наконец, в отделе о судоустройстве Московского периода читаем нижеследующее: „Основания вотчинно-судебной власти в Московском государстве суть уже не вполне частные, но частно-государственные: право суда приобретается по частным сделкам [вместе с приобретением вотчины], но

Автор не ограничивается рассмотрением института вотчинной власти и иммунитета в их собственной структуре, но вместе с тем выясняет их основополагающее значение для всего политического строя удельной Руси, что дает ему повод и возможность дать и общую характеристику этого строя. Характеристика эта настолько ценна и важна, что нельзя не привести ее in extenso. „Все общество", говорит автор про удельную Русь, „распадалось на более или менее независимые союзы. Начиная с великих князей, совершенно независимых друг от друга, переходя к удельным, связанным друг с другом только узами родства и договоров, спускаясь к служебным князьям, лишенным некоторых политических прав, но сохранившим в большей или меньшей мере свои остальные права, внизу общественной лестницы мы видим массу землевладельцев, права которых отличались от княжеских больше количественно, чем качественно. Спускаясь еще ниже, мы видим, что и тяглые, зависимые от князей люди, тоже замыкаются в независимые друг от друга ячейки, объединяемые не административной и судебной иерархией, а волей князя, въ уделе которого оне находятся (46—47).... Ничуть не будет преувеличением сказать, что все общество удельного времени, а отчасти и Московского государства, состояло из больших или меньших ячеекъ..... Каждая ячейка представляла из себя самостоятельную, то более, то менее полно обособленную хозяйственную, податную и судебно-административную единицу. Несудимость и независимость от наместников, волостелей и других представителей власти давали этим ячейкам необходимые для жизни и ведения хозяйства свободу и самостоятельность. Право сместного суда давало грамотчику возможность защищать своих людей отъ посторонних лиц. Право суда внутри ячейки давало грамотчику большую власть над своими людьми и позволяло поддерживать суровую дисциплину. Наконец, подсудность гра-

---

суд отправляется в государственных интересах; сначала государство определяет в жалованных грамотах пределы вотчинного суда и самое право суда дает только тем, кому дана грамота; затем, когда утверждается общая норма этого суда для всех владельцев, регулирует его, именно участвует в назначении судей: архиепископские бояре назначаются с согласия государя; въ вотчинах вводятся губные и земские учреждения [что впрочем при ином ходе права могло усилить власть вотчинного суда]",—**ibidem**, 651.

мотчика и его прикащика самому князю ставила их под непосредственное покровительство высшей власти. В тесной связи с этими правами стояла тягловая особенность и независимость от соседних тяглых миров. Это строение общества мне представляется существеннейшей и важнейшей чертой удельной, а отчасти и Московской Руси. Не видеть и не понимать ее равносильно непониманию всего уклада тогдашней жизни" (83=84). В приведенной характеристике определяется природа не общества, как почему то угодно было выразиться автору, а политическаго строя удельной Руси. Специфическим признаком этого политического строя оказывается то дробление политической власти, которое характерно и для западноевропейского средневековья, для периода, предшествующего образованию. единодержавного государства нового времени, образованию, слагавшемуся путем не только собирания земли, как принято говорить в русской историографии, но и путем собирания власти. Надо обозначить этотъ строй каким то термином, и термин „феодализм" является в данном случае вполне подходящим. И в этом подведении политического строя удельной Руси под общую историко-юридическую категорию, выражающую определенный фазис политического развития Европы, заключается несомненная и незабвенная заслуга Н. П. Павлова-Сильванского, которую мы считаем долгом подчеркнуть в виду не в меру строгих отзывов С. Б. Веселовского о трудах первого систематического исследования политико-правового уклада удельной Руси (см. 5, 7, 119 пр. 4 и 6). Во избежание непрестанно повторяющихся недоразумений заявляем, что феодализм есть некоторая общая историко-юридическая категория, покрывающая собою великое разнообразие идиографических проявлений единого принципа дробления власти. При этом самое дробление власти отнюдь не следует понимать как результат разложения какого то предшествующего единства власти, а напротив того как расползание власти по территории, как преодоление сопротивления пространства организующей силой политического строительства.

В конце приведенной характеристики С. Б. Веселовский ополчается против непонимания уклада жизни удельной Руси. В связи с этим позволим себе подчеркнуть игнорирование особенностей этого уклада в общих курсах по истории русского права, ни один из которых не выделяет удельной Руси

в самостоятельный период. Нам это всегда казалось неправильным, и в наших университетских чтениях мы всегда выделяли удельную Русь в особый период. Жизнь сложилась так, что нам не удалось закрепить этого в печати. И только теперь пришлось сделать это в кратком очерке истории русского права, составленном на польском языке для серии трудов по истории права, издаваемых в Львове проф. Пшемыславом Домбковским.[1]) Ценное исследовение проф. С. Б. Веселовского особенно ценно в настоящий мемент для нас в смысле укрепления нашего убеждения в настоятельной необходимости выделения удельной Руси в особый период истории русского государственного права.

Выяснив превращение вотчинного суда в общее правило, С. В. Веселовский в заключение подчеркивает „тот факт, что история вотчинного суда совершенно отделилась от истории других элементов удельного иммунитета. Право вотчинного суда осталось в стороне от сложного процесса развития новой администрации и суда в Московском государстве и даже позже в Российской Империи“ (111). И случилось это отделение и началось самостоятельное, так сказать, существование вотчинного суда как раз в середине XVI века, когда уже были достигнуты результаты предшествующей, ибо шедшей с повины XV века, „нивелирующей политики московских великих князей“ (102). Эту политику автор прекрасно характеризует следующими словами: „Иван III и его преемники систематически принимали верхи служилого класса, покровительствовали низам и в отношениях ко всем служилым людям стремились провести вместо прежних отношений безличные общие шаблоны“ (102). Говоря иначе, нивелировка заключалась в замене прежних личных,—договорных, вассальных отношений системой объективного и равного для всех статуса подданства. И если мы свяжем эту нивелировку с утверждением вотчинного суда в XVI веке, то должны будем сказать: на Руси, как и в Западной Европе, феодальный политический

---

[1]) **Teodor Taranowski.** Historja prawa rosyjskiego. Czesc I: Historja ustroju panstwowego. **Pamiatnik historyczno-prawny** pod redakcje Przemyslawa Debkowskiego. tom VI. zeszyt. 1, Lwow. 1928.—Удельная Русь составляет здесь второй период,—удельный вотчинно-феодальный,—от половины XIII до конца XV века (стрн. 32—61).—Готовится II часть очерка, которая будет посвящена истории уголовного, гражданского и судебного права.

строй слагался из двух слоев,— верхнего вассального и нижнего сеньериального; в XVI веке окончательно пал строй вассальный, или феодальный в тесном смысле этого слова, а строй сеньериальный остался и даже окреп; так было на Руси, так было и на Западе.

В самом начале своего исследования С. Б. Веселовский заявил, что вотчинный режим составляет основу, на которой развивались крепостныя отношения и в Западнов Европе и в русской истории (3), и в дальнейшем упрекнул М. А. Дьяконова за то, что, хотя он и признавал вотчинный суд составным элементом крепостного права, все же в монографическом исследовании о сельском населении Московского государства обошел вотчинный суд полным молчанием (99). Сам автор прямо не формулирует функции и значения вотчинного суда в развитии крепостного права. Из общего указания и косвенных замечаний автора можно сделать вывод, что он разделяет цитируемое им мнение Сергеевича, согласно которому вотчинный суд был более древним, чем указы об ограничении и запрещении крестьянского выхода, и потому основным фактором в истории закрепощения крестьян (3, 5). Существенно важным было то обстоятельство, что, как выражается автор, ни в одной несудимой грамоте нет не только указаний, но даже намеков на то, чтобы люди и крестьяне грамотчика имели какой-нибудь легальный путь обжалованья приговоров вотчинного суда (45, см 42). Из этого несомненно следовало, что по договорам и отношениям с господином (государем) крестьяне не пользовались судебной защитой и не имели права иска против господина в случае нарушения им договорных или обычных условий. Так было в удельной Руси и в Великом Новгороде (см. договор с польским коралем Казимиром 1470—1471 г.), а в Пскове было иначе, как это видно из Псковской Судной Грамоты (ст. 42, 51, 75, 87). Судебно-правовая беззащитность крестьянина по отношению к „государю“ несомненно имела основное значение для закрепощения. По крайней мере историки хозяйственного развития Польши признают за лишением крестьян судебной защиты самое важное значение в развитии вотчинного подданства и ставят его на первое место перед прикреплением к земле.[1])

---

[1]) См. Jan Rutkowski. Zarys gospodarczych dziejow Polski w czasach przedrozbiorowych, Poznan, 1923, str. 131; см. Heinrich Felix Schmid, Die so-

Надеемся, что разбор исследования С. В. Веселовского и изложение мыслей, на которые оно наводит, выяснили в должной мере чрезвычайную ценность труда, подаренного уважаемым автором нашей исторической и историко-юридической науке. Среди отнесенных к концу книги обильных и обстоятельных примечаний к тексту мы вычитали радостное известие о том, что автор подготовляет к печати особое исследование по истории тягла (121, прим. 41). Будем ждать с нетерпением этого достойного продолжения капитального труда автора о сошном письме.

---

cialgeschichtliche Erforchung der mittelalterichen Siedelung auf poInischem Boden, Vierteegahrschrift für Sozial-u. Wirtschaftgeschihte, XX Band, 3. и 4. Heft. 1927, S. 344, 325—326.